

Освобождение общества от школы
Deschooling Society

ИВАН ИЛЛИЧ

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к государственному образованию возник у меня благодаря Эверетту Раймеру. До нашей встречи с ним в Пуэрто-Рико в 1958 г. важность обязательного школьного обучения всех людей была для меня несомненна. Вместе же мы пришли к выводу, что обязанность посещать школу ограничивает право учиться для большинства людей. Эссе, прочитанные в CIDOC (Центре межкультурной документации) и собранные в этой книге, выросли из заметок, которые я ему послал и которые мы обсуждали в 1970 г., тринадцатом году нашего диалога. Последняя глава – мои размышления после беседы с Эрихом Фроммом по поводу «Mutterrecht» Бахофена¹.

Начиная с 1967 г., мы с Раймером регулярно встречались в CIDOC в Куэрнавача, Мексика. К нашим беседам присоединилась директор Центра Валентина Борреманс, которая настойчиво побуждала меня проверить наши размышления на материале Латинской Америки и Африки. Эта книга отражает ее убежденность в необходимости освободить от влияния школы не только социальные институты, но и общественные идеалы.

Всеобщее образование посредством школьного обучения – невыполнимая цель. И тут не помогут альтернативные образовательные учреждения, построенные по типу существующих школ. Ни изменения в отношении учителей к учащимся, ни стремительный рост числа компьютеров и обучающих программ (как в классах, так и дома), ни, наконец, попытки охватить педагогическим влиянием всю жизнь учащихся не приведут к всеобщей образованности. Нынешние поиски все новых и новых каналов для обучения надо решительно перенаправить в сторону поиска институциональных альтернатив, т.е. создания образовательных сетей, значительно расширяющих возможности любого человека в наполнении всякого момента его жизни учением, взаимодействием с другими людьми и вниманием к ним. Мы надеемся, что предлагаемые здесь идеи окажутся полезными и для тех, кто ведет фундаментальные исследования в области образования, и для тех, кто ищет альтернативные сложившимся формы деятельности в других отраслях сферы услуг.

Весной и летом 1970 г., встречаясь раз в неделю, по средам, с участниками наших программ в CIDOC (Куэрнавача), я показывал им отдельные части этой книги. Десятки людей участвовали в этих обсуждениях, вносили свои предложения и замечания. Многие увидят на этих страницах свои идеи, особенно Пауло Фрейре, Питер Бергер, Хосе Мария Бальнес, Джозеф Фицпатрик, Джон Холт, Анхел Квинтеро, Лейман Альен, Фред Гудман, Герхард Ладнер, Дидье Пивето, Джоул Спринг, Аугусто Салазар Бонди и Деннис Салливан. Критика Пола Гудмана побудила меня самым серьезным образом пересмотреть написанное. Роберт Силверс очень помог мне своими редакторскими замечаниями к главам 1, 3 и 6, которые были напечатаны в Нью-Йоркском книжном обозрении.

Раймер и я решили публиковать свои версии нашей общей работы отдельно. Он готовит всестороннее и документированное исследование, которое будет еще несколько месяцев обсуждаться и дорабатываться и выйдет из печати к концу 1971 г. в издательстве Doubleday & Company. Деннис Салливан, который вел записи наших с Раймером дискуссий, собирается весной 1972 г. опубликовать книгу, в которой мои предложения будут применены к текущим дебатам о государственном образовании в Соединенных Штатах. Я же выпускаю этот сборник эссе сейчас, надеясь, что он вызовет новые активные дискуссии в семинаре «Альтернативы в образовании», запланированном CIDOC на 1972 и 1973 гг.

¹ Бахофен, Йоханн Якоб (1815-1887) – швейцарский историк права, исследователь матриархата. «Mutterrecht» («Материнское право») – его самое значительное произведение. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчиков.)

Я собираюсь обсудить здесь ряд острых вопросов, возникающих, как только мы допустим, что общество может обходиться без школы; найти критерии, позволяющие отличить учреждения, которые заслуживают развития, поскольку поддерживают свободное от школы учение; и показать, какие цели личности способствуют приходу Эры Досуга (*scholē*²) —в противоположность экономике с доминированием индустрии услуг.

Иван Иллич

CIDOC, Куэрнавача, Мексика
Ноябрь 1970 г.

² Scholē – досуг (греч.)

Почему следует отменить обязательность школьного обучения

Многие учащиеся, особенно те, кто беден, интуитивно знают, что с ними делают школы - они приучают их путать процесс и сущность. Как только это удастся, в силу вступает новая логика: чем больше обучения, тем лучше результаты, а стало быть, успех обеспечивается эскалацией. Учащийся, таким образом, научается путать преподавание с учением, продвижение из класса в класс с образованием, диплом с компетентностью, а бойкость речи со способностью сказать что-то новое. Его воображение вышколено – теперь для него ценностью является обслуживание. Место охраны здоровья занимает лечение, улучшение условий жизни подменяется социальной работой, личная безопасность – полицейской защитой, национальная безопасность – военным противостоянием, и повсюду крысиные бега принимаются за производительный труд. Здоровье, учение, личное достоинство, независимость и творческие усилия практически приравнены к деятельности соответствующих государственных институтов, которые якобы служат этим целям, и движение к ним поставлено в зависимость от роста ресурсов, выделяемых на управление больницами, школами и другими учреждениями, о которых идет речь.

Я собираюсь показать в этих эссе, что институализация человеческих ценностей неизбежно ведет к загрязнению среды, социальной поляризации и психологическому бессилию – вот три направления процесса глобальной деградации и модернизированной нищеты. Я постараюсь объяснить ускорение этой деградации по мере того, как нематериальные нужды человека преобразуются в потребительский спрос; а здоровье, образование, мобильность, благосостояние или психологическое выздоровление превращаются в результаты соответствующего обслуживания или обработки. Я делаю это, поскольку уверен, что большинство ведущихся сейчас исследований о будущем защищает дальнейший рост институализации ценностей, а мы должны определить условия, при которых происходило бы абсолютно противоположное. Нам необходимо исследовать возможности использования технологий для создания таких институтов, которые служили бы личному, творческому и независимому взаимодействию людей и возникновению ценностей, по самой своей сути не поддающихся технократическому контролю. Нам надо пересмотреть основания современной футурологии.

Я хочу поднять общий вопрос о взаимоопределении сущности человека и природы современных социальных институтов, которое характеризует наше мировоззрение и язык. В качестве основного примера и объекта рассмотрения я выбрал школу, поэтому здесь лишь косвенно затрагиваются другие бюрократические институты корпоративного государства: семья как потребитель, партия, армия, церковь, средства информации. Мой анализ неявного учебного плана школы призван показать, что общественное образование только выиграло бы при избавлении общества от обязательности школьного обучения, равно как выиграли бы в результате аналогичных процессов семья, политика, безопасность, вера и общение.

В этом первом эссе я начинаю свой анализ с попытки объяснить, что значит избавиться от школы выросшее в ней общество. Это поможет читателю понять, почему и какие пять конкретных аспектов этого процесса выбраны мною для рассмотрения в последующих главах.

Не только образование стало школьным, школьной стала сама социальная действительность. Пропустить через школу и богатых, и бедных стоит примерно одинаково. Ежегодные расходы на одного ученика в трущобах и в богатых предместьях

любого из двадцати крупнейших американских городов – одного порядка, иногда они даже больше в бедных кварталах.³ Богатый и бедный одинаково зависят от школ и больниц, которые руководят их жизнью, формируют их мировоззрение и вместо них решают, что законно, а что — нет. И те, и другие считают самолечение безответственным, самообразование ненадежным, а общественные объединения, не оплачиваемые властями – формой агрессии или подрывной деятельности. Те и другие равно приучены полагаться на официальное обслуживание, и независимая деятельность для них подозрительна. Для Вестчестера растущая личная и общественная несамостоятельность даже более характерна, чем для северо-востока Бразилии. Так что повсюду не только образование, но и общество в целом нуждается в «освобождении от школы».

Бюрократия государства всеобщего благосостояния требует себе исключительных профессиональных, политических и финансовых прав в области выдвижения социальных идей, устанавливая собственные критерии их ценности и осуществимости. Именно эта монополия лежит в основе модернизации бедности. Для всякой житейской потребности можно найти институционализированный ответ – и сразу возникает новая группа бедняков и новое определение бедности. Всего лет десять тому назад в Мексике было нормой родиться и умирать у себя дома, а покойного хоронили его друзья. Только о потребностях души заботилась официальная церковь. Теперь начинать и оканчивать свои дни дома стало признаком либо бедности, либо особых привилегий. Умирание и смерть перешли в ведение врачей и могильщиков.

Как только обществу удастся трансформировать базовые потребности человека в спрос на товары и услуги, производимые на научной основе, критерии бедности оказываются во власти технократов, которые могут менять их по своему желанию. И тогда понятие “бедность” начинают прилагать к тем, кто в том или ином существенном отношении отстал от рекламируемого идеала потребления. Так, бедные в Мексике — те, кто пробыл в школе менее 3 лет, а в Нью-Йорке — меньше 12.

Бедные всегда были социально бессильны. Теперь они все больше полагаются на институты социального обеспечения, и это добавляет их беспомощности новое измерение: психологическое бессилие, неспособность себя прокормить. Крестьянина, живущего на высокогорном плато в Андах, эксплуатируют землевладелец и купец, но переселившись в Лиму, он вдобавок попадает в зависимость от политических боссов и ощущает себя неполноценным, потому что не учился в школе. Модернизированная бедность – это сочетание бессилия перед обстоятельствами с утратой личностного потенциала. Эта новая бедность — глобальное явление, которое лежит в основании современных отставаний в развитии. Конечно, в богатых и в бедных странах оно проявляется по-разному.

Кажется, наиболее сильно оно ощущается в больших городах Америки. Нигде больше не расходуется столько средств на бедность. Нигде больше государственная забота о бедных не порождает такой зависимости и злости, таких фрустраций и новых требований. И нигде не видно лучше, чем там, что бедность — модернизированная бедность — приобрела иммунитет к денежным вливаниям и требует институциональной революции.

Уровень профессионального обслуживания, доступный сегодня чернокожим жителям Соединенных Штатов и даже иммигрантам, всего два поколения назад был немыслим, да и теперь кажется абсурдным большинству людей в третьем мире. Американские бедняки, например, могут рассчитывать, что школьный надзиратель обеспечит посещение школы их детьми до семнадцатилетнего возраста; врач уложит их на больничную койку за 60 долларов в день (а это равно трехмесячному доходу большинства людей в мире). Но такая опека лишь усиливает их зависимость от этого попечения,

³ Penrose B. Jackson, *Trends in Elementary and Secondary Education Expenditures: Central City and Suburban Comparisons 1965 to 1968*, U.S. Office of Education, Office of Program and Planning Evaluation, June 1969.

ослабляя их способность организовывать собственную жизнь, исходя из собственного опыта и ресурсов своего сообщества.

Положение бедных в Соединенных Штатах уникально: именно они могут рассказать о трудностях, угрожающих всем беднякам в модернизирующемся мире. Они обнаруживают, что никакое количество долларов не способно устранить присущую институтам социального обеспечения деструктивность, поскольку профессиональные иерархии этих учреждений сумели убедить общество в нравственной необходимости своей попечительской деятельности. Бедняки, населяющие американские города, могут на своем опыте продемонстрировать ошибочность оснований, на которых строится социальное законодательство в обществе, где властвует школа.

Член Верховного Суда Уильям О. Дуглас как-то заметил, что «единственный способ учредить какой-либо институт — это профинансировать его». Из этого с необходимостью следует, что только прекратив финансовые вливания в учреждения, занимающиеся сегодня здоровьем, образованием и социальной помощью, можно остановить дальнейшее обнищание как неизбежный результат бессилия, порождаемого их деятельностью.

Это надо иметь в виду, оценивая федеральные программы социальной помощи. Так, например, в 1965-1968 гг. более трех миллиардов долларов было затрачено американскими школами на компенсацию неблагоприятного положения примерно шести миллионов детей — известная программа «Title One». Это была самая дорогостоящая компенсаторная программа из когда-либо предпринимавшихся в образовании, тем не менее никакого существенного улучшения учебной деятельности этих «неблагополучных» детей обнаружить не удастся. По сравнению со своими одноклассниками из семей среднего достатка они отстали еще сильнее. Более того, в ходе этой программы профессионалы обнаружили еще десять миллионов детей, испытывающих экономические или образовательные трудности — и теперь у них еще больше причин требовать дополнительных федеральных средств.

Полный провал этой попытки улучшить образование бедных посредством более дорогостоящего обслуживания можно объяснять по-разному, например:

1. трех миллиардов долларов оказалось недостаточно, чтобы заметно улучшить учебу шести миллионов детей; или
2. выделенные средства были потрачены некомпетентно: задачу можно было бы решить, создав особые программы, улучшив управление, более концентрированно направив средства на нужды бедных детей и проведя необходимые исследования; или
3. образовательные трудности не удастся преодолеть посредством школьного обучения.

Первое объяснение, безусловно, справедливо, если средства расходовались через школьный бюджет. Деньги действительно направлялись в школы с наибольшей численностью неблагополучных детей, но не тратились непосредственно на бедных детей. Дети, для которых предназначались эти деньги, составляли около половины учащихся тех школ, чьи бюджеты пополнились за счет федеральных субсидий. Соответственно, эти деньги наряду с обучением тратились на опеку, индоктринацию и социальный отбор, каковые функции неразрывно связаны друг с другом в организации физической среды, учебных планах, преподавании, управлении и других ключевых компонентах этих школ, а, следовательно, и в их бюджетах.

Дополнительные средства действительно позволили школам улучшить обслуживание относительно более состоятельных детей, чье «неблагополучие» состояло в необходимости посещать школу вместе с бедняками. Из каждого доллара, выделенного на компенсацию учебных затруднений бедных детей, сквозь школьный бюджет к такому ребенку в лучшем случае пробивались жалкие крохи.

Вполне возможно и то, что средства тратились некомпетентно. Однако никакая, самая необыкновенная некомпетентность не может сравниться с некомпетентностью школьной системы. Всей своей структурой школа препятствует концентрированному созданию дополнительных возможностей для детей, неблагополучных в том или ином отношении. Специальные программы, коррекционные классы и дополнительные занятия только усиливают дискриминацию – но за более высокую цену.

Налогоплательщики еще не привыкли к мысли, что в МЗОСО⁴ – как в Пентагоне – могут запросто пропасть три миллиарда долларов. Нынешняя администрация, видимо, полагает, что недовольство педагогов она может себе позволить. Американцы среднего класса ничего не теряют, если программа прекращается. Бедные родители не только считают, что это ущемляет их интересы, но и требуют контроля над средствами, предназначенными для их детей. Логичным путем сокращения расходов и, как надеются некоторые, роста их эффективности могла бы стать система грантов на образование вроде предложенной Милтоном Фридманом и его коллегами. Тогда деньги поступали бы прямо к бенефициару, позволяя ему покупать свою долю выбранного им обучения. Если ограничить эти кредиты возможностью приобретать обучение по школьному учебному плану, удалось бы, вероятно, добиться большего равенства в обслуживании учащихся, но равенства социальных требований этим не достичь.

Очевидно, что даже в одинаковых по качеству школах бедный ребенок редко догоняет богатого. Даже если они посещают одинаковые школы с одного и того же возраста, бедные дети лишены большинства образовательных возможностей, повседневно доступных ребенку из среднего класса. Спектр этих преимуществ – от домашних книг и семейных разговоров до путешествий во время каникул и иного самоощущения; дети, которым они доступны, пользуются ими и в школе, и вне ее. Так что те, кто беднее, будут отставать до тех пор, пока их продвижение или учение зависит от школы. Бедным нужны средства, которые позволили бы им учиться, а не получать справку о том, что они прошли курс исправления их якобы чудовищных недостатков.

Все это равно справедливо как для бедных, так и для богатых стран, но в последних оно является в другом обличье. В бедных странах модернизированная бедность явно затрагивает больше людей, но — пока что — более поверхностно. В Латинской Америке две трети всех детей оставляют школу, не закончив пяти классов, но это «дезертирство» не делает их положение в жизни таким скверным, как это было бы в Соединенных Штатах.

Жертвами классической бедности, стабильной и не столь обессиливающей, остаются лишь немногие страны. Большинство государств Латинской Америки достигли точки старта в направлении экономического развития и конкурентного потребления, т.е. в направлении модернизированной бедности: их граждане научились богато думать и бедно жить. Законодательствами этих стран установлена 6-10-летняя обязательная школа. Не только в Аргентине, но и в Мексике или Бразилии средний гражданин определяет необходимое ему образование по североамериканским стандартам, несмотря на то, что реальные шансы получить такое длительное образование есть лишь у ничтожного меньшинства населения. Но и в этих странах большинство людей уже попало на крючок школы, т.е. они обучены чувствовать свою неполноценность по отношению к тем, кто учился дольше. Их фанатичная преданность идее школьного обучения позволяет эксплуатировать их вдвойне: она позволяет наращивать ассигнование государственных средств на обучение незначительного меньшинства и обеспечивать принятие социального контроля большинством.

Как это ни парадоксально, но вера в абсолютную необходимость всеобщего школьного обучения особенно тверда в тех странах, где школьным образованием было – и

⁴ МЗОСО - Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения.

будет в дальнейшем – охвачено наименьшее число людей. Еще и сейчас в Латинской Америке большинство детей и родителей могли бы идти к образованию разными путями. А соответственно государственные вложения в школы и учителей могли бы стать даже выше, чем в богатых странах, но и таких вложений совершенно недостаточно, чтобы обеспечить хотя бы четырехлетнее школьное обучение для большинства населения. Фидель Кастро как будто хотел пойти по пути освобождения от обязательности школьного обучения, когда обещал, что к 1980 году Куба сможет закрыть свой университет, поскольку вся жизнь на острове к тому времени станет образовательным опытом. Однако в отношении начальной и средней школы Куба действует так же, как и все остальные латиноамериканские страны: так называемые «школьные годы» – бесспорно всеобщая цель, а ее достижение просто временно задерживается из-за нехватки ресурсов.

Уловки-близнецы, манящие все большим обслуживанием – доступным в Соединенных Штатах и обещаемым в Латинской Америке — дополняют друг друга. Бедняка с севера обессиливает то самое двенадцатилетнее обучение, отсутствие которого ставит на бедняке с юга клеймо безнадежно отсталого. Но ни в Северной, ни в Латинской Америке обязательные школы не дают бедным равенства с богатыми. Однако и там, и там сам факт существования школы лишает тех, кто беден, сил и мужества, не позволяя им взять власть над собственным учением. Во всем мире школа оказывает антиобразовательное влияние на общество: школа признается единственным институтом, специализирующимся на образовании. Провалы школы воспринимаются большинством людей как доказательство того, что образование является очень дорогостоящей, очень сложной, таинственной, а часто и почти неразрешимой задачей.

Школа захватывает деньги, людей и добрую волю, предназначенные для образования, а, кроме того, не дает другим социальным институтам брать на себя образовательные задачи. Работа, досуг, политика, переселение в города и даже семейная жизнь – все полагаются теперь на школы в формировании требуемых им знаний и навыков вместо того, чтобы становиться средствами образования. Одновременно и школы, и зависящие от них социальные институты распугивают потенциальных потребителей своей непомерной стоимостью.

В Соединенных Штатах расходы на обучение в расчете на душу населения растут почти так же быстро, как стоимость лечения. Но при этом качество и того, и другого неуклонно снижается. Расходы на медицинское обслуживание людей старше 45 лет удваивались за последние сорок лет несколько раз, результат – 3 % рост продолжительности жизни среди мужчин. Увеличение расходов на образование принесло еще более странные результаты, которые подвигли президента Никсона пообещать этой весной, что скоро каждый ребенок будет приобретать «Право на чтение» до того, как покинет школу.

Соединенным Штатам потребуется 80 миллиардов долларов в год, чтобы педагоги смогли обеспечить равное, по их мнению, обслуживание для всех в начальной и средней школе. Это значительно превосходит – больше, чем вдвое – те 36 миллиардов, которые тратятся сейчас. Предварительные расчеты, выполненные в МЗОСО и университете Флориды, показывают, что к 1974 г. аналогичные суммы составят 107 миллиардов против планируемых сейчас 45 миллиардов, причем эти цифры не учитывают огромных затрат на так называемое «высшее образование», запрос на которое растет еще быстрее. Соединенные Штаты, которые в 1969 г. потратили около 80 миллиардов долларов на оборону, включая операции во Вьетнаме, видимо, слишком бедны, чтобы обеспечить равное школьное обучение. Президентскому комитету по изучению финансирования школы следовало бы выяснить не как сохранить или сократить эти огромные затраты, а как их избежать.

Обязательное и равное для всех школьное обучение должно быть признано недостижимым, по крайней мере экономически. В Латинской Америке на каждого выпускника вуза тратится в 350-1500 раз больше средств, чем на среднего гражданина (т.е. человека, стоящего где-то посередине между самыми бедными и самыми богатыми). В Соединенных Штатах несоответствие меньше, но дискриминация острее. Самые богатые родители, приблизительно 10 процентов, могут себе позволить дать своим детям частное образование и помочь им получить гранты, предоставляемые фондами. Но, кроме того, им достается в 10 раз больше государственных средств в расчете на обучение одного ребенка по сравнению с аналогичными расходами для 10 процентов самых бедных семей. Причина в том, что богатые дети дольше учатся в школе, стоимость университетского года неизмеримо выше стоимости школьного, а большинство частных университетов — хоть и косвенно — но все же зависят от денег, полученных от налогоплательщиков.

Обязательное школьное обучение неизбежно поляризует общество; оно ранжирует все страны мира в соответствии с международной кастовой системой. Страны — как касты — оцениваются по образовательному уровню, который определяется средней продолжительностью школьного обучения их граждан; эта оценка тесно связана с расчетом валового национального продукта на душу населения, но гораздо более унизительна.

Парадокс обязательной школы очевиден: увеличение расходов на нее только усиливает ее разрушительное действие и внутри страны, и за ее рубежами. Это «победное шествие» должно быть осознано как общественная проблема. Сегодня уже всем понятно: если самым решительным образом не изменить сложившиеся в промышленности тенденции, окружающая среда скоро будет просто уничтожена биохимическими отходами. Точно так же необходимо понять, что МЗОСО угрожает загрязнением нашей общественной и личной жизни социальным обеспечением — неизбежным побочным продуктом принудительного и конкурентного потребления социальной помощи.

Эскалация школьного обучения не менее разрушительна, чем гонка вооружений, хотя это и менее очевидно. Повсюду в мире расходы на школьное обучение растут быстрее, чем количество учащихся и ВВП; при этом повсеместно расходы на школу постоянно отстают от ожиданий родителей, учителей и учащихся. И везде такое положение дел одновременно и сдерживает стремление к самостоятельному учению, и не позволяет профинансировать сколько-нибудь крупномасштабные планы нешкольного образования. Соединенные Штаты доказывают всему миру: ни одна страна не может быть достаточно богата, чтобы позволить себе школьную систему, вполне удовлетворяющую тот спрос, который эта система сама и создает фактом своего существования, потому что всякая успешная школьная система приучает и родителей, и учеников превыше всего ценить продолжительность школьного обучения, стоимость которого все время растет по мере того, как обучение во все более старших классах становится все более востребованным, а, следовательно, дефицитным.

Вместо того, чтобы считать равное для всех школьное обучение временно недостижимым, следует признать, что оно в принципе экономически абсурдно и что попытки его осуществления ведут к интеллектуальному бессилию и социальной поляризации, разрушают доверие к политической системе, поддерживающей эту идею. Идеология обязательного школьного обучения не признает никакой логики — хороший пример этого недавно дал Белый Дом. Доктор Хатчнекер, «психиатр», пользовавшийся г. Никсона еще до того, как тот стал кандидатом в президенты, посоветовал Президенту, что необходимо профессионально обследовать всех детей в возрасте от 6 до 8 лет, выявить тех, кто проявляет деструктивные тенденции, и подвергнуть их принудительному лечению. При необходимости следует организовать их перевоспитание в специализированных учреждениях. Президент направил записку своего доктора в МЗОСО на экспертизу. И, действительно, профилактические концентрационные лагеря для

потенциальных правонарушителей могли бы стать логичным усовершенствованием школьной системы.

На самом же деле равенство образовательных возможностей – цель и желательная, и достижимая, однако отождествлять ее с обязательным школьным обучением то же самое, что путать спасение с церковью. Школа стала мировой религией модернизированного пролетариата и раздает пустые обещания спасения беднякам технологической эры. Национальные государства приняли эту религию и обеспечили всеобщий призыв своих граждан на службу учебному плану, разбитому на классы и последовательно ведущему к одному диплому за другим – наподобие древних ритуалов инициаций и служения культу. Современное государство полагает своей обязанностью поддерживать суждения своих педагогов, из самых лучших побуждений учреждая должности школьных надзирателей и устанавливая образовательный ценз для поступления на работу – совершенно так же, как испанские короли приводили в исполнение суждения своих богословов через конкистадоров и инквизицию.

Два века назад Соединенные Штаты возглавили движение за отмену монополии единственной церкви. Теперь нам необходима конституционная отмена монополии школы, а, стало быть, и системы, которая законодательно объединяет предрассудки с дискриминацией. В современном гуманистическом обществе первая статья Билля о правах должна быть аналогична Первой поправке к американской Конституции: «Государство не должно издавать ни одного закона, относящегося к организации образования». Не должно быть никаких ритуалов, обязательных для всех.

Чтобы успешно осуществить это изменение, нужен закон, запрещающий какую бы то ни было дискриминацию по признаку предшествующего посещения какого-либо учебного учреждения при приеме на работу, участии в голосованиях или поступлении на обучение. Такой закон не исключал бы возможность проверки компетентности для той или иной функции или роли, но уничтожил бы ныне существующую абсурдную дискриминацию в пользу тех, кто приобрел эти навыки за счет немислимых государственных средств или — что, вероятно, одно и то же — сумел получить диплом, не имеющий никакого отношения к каким-либо полезным навыкам или конкретной работе. Только если гражданин будет защищен от угрозы дисквалификации при отсутствии школы в его послужном списке, отмена обязательного школьного обучения будет психологически эффективной.

Школьное обучение не способно поддержать ни учение, ни справедливость, поскольку педагоги настаивают на объединении преподавания и сертификации в их руках. Школа соединяет учение с распределением по социальным ролям. Однако учиться значит приобретать новые навыки или понимания, а продвижение по службе зависит от мнения, сформировавшегося у других. Учение нередко является результатом преподавания, но отбор человека для той или иной должности или профессии на рынке труда все чаще зависит просто от продолжительности посещения учебного заведения.

Преподавать значит отбирать условия, содействующие учению. Распределение по ролям осуществляется созданием программ с условиями, которым должен соответствовать кандидат, если он хочет попасть в данный класс. Школа связывает обучение — но не учение — с этими ролями. Ни смысла, ни освобождения в этом нет. Смысла в этом нет, поскольку школа связывает соответствующие качества или типы компетентности не с социальными ролями, а скорее с процессом, в котором эти качества якобы приобретаются. В этом нет ни освобождения, ни образования, потому что на самом деле школы обучают только тех, чей каждый шаг в учении соответствует заранее установленным мерам социального контроля.

Учебные программы всегда служили для распределения людей по социальным рангам. Когда-то это распределение происходило еще до рождения: принадлежность человека к определенной касте определяла карма, а принадлежность к аристократии —

происхождение родителей. В разные времена в качестве учебного плана могли выступать различные ритуалы, последовательность посвящений в сан, серия военных или охотничьих подвигов, дальнейшее продвижение по службе могло зависеть от определенного набора предыдущих высочайших поощрений. Всеобщее образование было призвано разорвать зависимость между социальной ролью и особенностями личной биографии: предполагалось, что оно даст всем равные шансы на любую работу и должность. И теперь еще многие наивно верят, что именно школьное обучение обеспечивает людям общественное доверие в зависимости от их учебных достижений. Однако вместо того, чтобы уравнивать жизненные шансы людей, школьная система монополизировала право на распределение возможностей между ними.

Компетентность человека необходимо отделить от учебного плана, а для этого должны быть запрещены любые вопросы относительно истории его учения, подобно тому, как запрещено интересоваться его политическими взглядами, принадлежностью к той или иной религии, династии или расе, его сексуальной ориентацией. Необходимо принять законы, запрещающие дискриминацию по продолжительности полученного школьного обучения. Законами, конечно, не отменить предрассудков в отношении тех, кто не посещал школу, равно как и не заставить каждого человека заняться самообразованием, но все же они могли бы стать препятствием для этой необоснованной дискриминации.

Вторая важная иллюзия, на которой строится система школьного обучения, состоит в том, что учение считается результатом преподавания. Конечно, преподавание при определенных условиях может в чем-то помочь учению. Но все же большинство людей приобретает свои знания в основном вне школы, в школе это происходит лишь постольку, поскольку в небольшом числе богатых стран человек вынужден проводить в ней все более длительную часть своей жизни.

Люди учатся, как правило, невзначай, и даже самое целенаправленное учение не является результатом спланированного обучения. Дети осваивают родной язык непреднамеренно, хотя, конечно, внимание родителей помогает им в этом. Успешное освоение иностранного языка у большинства людей связано вовсе не с последовательным обучением, а с обстоятельствами обыденной жизни – дети едут погостить к дедушке с бабушкой в другую страну, кто-то путешествует, а кто-то влюбляется в иностранца. Точно так же и беглость чтения чаще всего является результатом подобных внешкольных занятий. Большинство людей, читающих много и легко, полагают, что научились этому в школе; однако они с легкостью отказываются от этой иллюзии, как только задумаются, так ли это на самом деле.

Однако тот факт, что учение еще и сейчас происходит в основном как бы мимоходом, являясь побочным продуктом каких-либо других занятий, будь то работа или досуг, вовсе не означает, что преподавание не приносит никакой пользы учению и что обе эти деятельности не нуждаются в совершенствовании. При высокой мотивации ученик, стремящийся научиться чему-то новому и трудному, может извлечь определенную пользу даже из суровой дисциплины, которая сегодня ассоциируется со старомодным учителем, преподающим чтение, древнееврейский, катехизис или таблицу умножения. В сегодняшней школе зубрежка дискредитирована и стала редкостью, но все же осталось немало навыков, которыми активный ученик с нормальными способностями может овладеть за несколько месяцев, если бы его учили этим традиционным способом. Это относится к кодированию и дешифровке, к чтению и письму, ко второму и третьему языку, а также к специальным языкам, таким, как алгебра, программирование, химический анализ, или ручным навыкам – печатанию, сборке часов, слесарному делу, ремонту телевизоров; в определенной мере и к танцам, вождению автомобиля или прыжкам в воду.

Бывает, конечно, что наличие определенных знаний и навыков оказывается необходимым условием приема на обучение по тем или иным программам, но сам процесс их приобретения не должен быть ограничен таким условием. Чтобы научиться ремонтировать телевизоры, необходимы грамотность и некоторая осведомленность в математике; обучение прыжкам в воду предполагает, что человек хорошо плавает; обучение вождению почти никаких предварительных навыков не требует.

Процесс освоения навыков поддается количественной оценке. Оптимальное количество времени и материалов, необходимое для обучения среднего мотивированного взрослого, оценить нетрудно. Обучение второму западноевропейскому языку до уровня свободного общения стоит в Соединенных Штатах 400-600 долларов; на обучение какому-либо из восточных языков потребуется, возможно, вдвое больше времени. И это не идет ни в какое сравнение со стоимостью 12-летнего школьного обучения в Нью-Йорке (обязательное условие для поступления на работу в Отдел уборки мусора) — почти 15 000 долларов. И уж, конечно, учителя здесь не одиноки — печатник или фармацевт тоже защищают свое ремесло, старательно создавая в обществе иллюзию, что их обучение стоит очень дорого.

Нынешние школы сумели раньше других захватить большую часть образовательных фондов. Прямое и быстрое натаскивание, которое стоит гораздо меньше, чем сравнимое по результатам школьное обучение, стало теперь привилегией тех, кто достаточно богат, чтобы не пользоваться услугами государственных школ, и тех, кого армия или крупный бизнес посылает на повышение квалификации. Программа последовательного освобождения американского образования от школы должна прежде всего ограничить доступные ей ресурсы. И, наоборот, каждому человеку на любом этапе его жизни должна быть обеспечена возможность свободного выбора из существующего множества образовательных программ и получения интересующего его образования за общественный счет.

Уже сейчас можно в любом образовательном центре предоставлять достаточный кредит на обучение не только бедным, но и некоторому числу людей самого разного возраста. Я представляю себе этот кредит в виде образовательного паспорта или образовательной кредитной карточки, выдаваемых каждому гражданину при рождении. Чтобы поддержать бедняков, которые, возможно, не сумеют использовать свои ежегодные гранты в юные годы, можно предусмотреть накопление процентов по этим грантам для тех, кто захочет в более зрелом возрасте воспользоваться своими накопленными «правами». Такое кредитование позволило бы большинству людей приобретать необходимые им навыки, когда они пожелают, и делать это лучше, быстрее, дешевле и не с такими нежелательными побочными эффектами, как в школе.

В потенциальных преподавателях недостатка нет — с одной стороны, потому что спрос на те или иные навыки появляется только в связи с их применением внутри сообщества, а с другой, потому, что этим навыкам могут обучать и те люди, которые ими уже реально пользуются. Однако людям, действительно владеющим умениями, на которые есть спрос и освоение которых требует помощи преподавателя, сегодня никто не помогает поделиться своей компетентностью с другими. Им препятствуют и преподаватели, монополизировавшие лицензии на преподавание, и профсоюзы, защищающие интересы этого ремесла. Учебные центры, которые оценивались бы клиентами по результатам обучения, а не по требованиям к работающим там преподавателям или используемым там методикам, открыли бы для многих совершенно неожиданные возможности трудоустройства, даже для тех, кто сегодня считается нетрудоспособным. И почему бы не создавать такие учебные центры прямо на предприятиях, где руководители производства и их сотрудники обеспечивали бы и обучение, и рабочие места тем, кто захочет именно таким образом использовать свои образовательные кредиты.

В 1956 г. возникла необходимость быстро обучить испанскому языку несколько сотен учителей, социальных работников и священников «большого» Нью-Йорка, чтобы они могли общаться с пуэрториканцами. Мой друг Джерри Моррис объявил в эфире испанской радиостанции, что ему нужны носители языка из Гарлема. На следующий день перед его офисом собралось около 200 подростков, он выбрал 50, многие из которых давно бросили школу. Он научил их пользоваться пособием по испанскому языку, которое Американский Институт Дипломатической службы (FSI) разработал для лингвистов с высшим образованием, и через неделю его «учителя» начали работать самостоятельно – каждый из них отвечал за четверых нью-йоркцев, желавших освоить язык. Не прошло и 6 месяцев, как задача была решена. И кардинал Спеллман заявил, что в каждом из 127 приходов, находящихся в его ведении, по крайней мере три сотрудника могут общаться по-испански. Никакая школьная программа не дала бы сравнимых результатов.

Нехватка преподавателей практических навыков создается верой в важность лицензий. Однако лицензирование и сертификация являются формами рыночной манипуляции и вызывают доверие только у «зашколенных» людей. Преподаватели искусств и ремесел в большинстве своем менее квалифицированы, менее изобретательны и менее общительны, чем лучшие представители этих областей деятельности. Большинство учителей испанского или французского языка в средних школах владеют этими языками хуже, чем могли бы владеть их ученики после полугода компетентного натаскивания. Эксперименты, проведенные Анхелем Квинтеро в Пуэрто-Рико, показывают, что многие подростки, если их заинтересовать, снабдить программами и обеспечить оборудованием, лучше, чем большинство школьных учителей, справляются с задачей приобщения своих сверстников к исследованию растений, звезд и веществ, к изучению принципов работы двигателей или радио.

Возможности для практического обучения можно значительно расширить, если «открыть» образовательный рынок – только тогда на нем смогут встретиться и успешно взаимодействовать учитель, свободный от жестких рамок учебного плана, и ученик, активно стремящийся овладеть данным материалом.

Идея свободного и конкурентного практического обучения – страшная крамола для ортодоксального педагога. Ведь она отделяет приобретение практических навыков от «гуманитарного» образования, которые школа привыкла упаковывать вместе, а значит поддерживает не только нелегальное преподавание с непредсказуемыми целями, но и нелегальное учение.

В настоящее время обсуждается один проект, на первый взгляд кажущийся вполне разумным. Он подготовлен Кристофером Дженксом из Центра изучения государственной политики, его разработку финансировал Департамент экономических возможностей. Предлагается выдавать родителям и учащимся образовательные «ваучеры» или гранты на обучение, которые они могли бы поместить в выбранную ими школу. Такие индивидуальные ваучеры могли бы действительно стать важным шагом в правильном направлении. Совершенно необходимо гарантировать право каждого гражданина на равную долю образовательных ресурсов, полученных за счет уплаты налогов, право реально воспользоваться этой долей и, в случае отказа, обратиться за помощью в суд. Это могло бы стать одним из средств борьбы против регрессивного налогообложения.

Проект Дженкса начинается, однако, со зловещего утверждения, что «и консерваторы, и либералы, и радикалы в разное время заявляли, что профессиональные педагоги, работающие в американской системе образования, не имеют достаточных стимулов для обеспечения высокого качества образования большинству детей». Проект, таким образом, сам себя разрушает, предлагая ввести образовательные гранты, которые должны быть использованы на обучение в школах.

Это все равно, что дать хромоте костыли с условием использовать их только связанными между собой. В том виде, в каком сегодня выдвинуто это предложение об

образовательных грантах, оно играет на руку не только профессиональным педагогам, но и расистам, учредителям религиозных школ и другим лицам, чьи интересы направлены на раскол общества. Но главное, образовательные ваучеры, которые можно использовать только на обучение в школах, играют на руку всем тем, кто стремится сохранить общество, где социальное признание и карьерный рост обеспечиваются не компетентностью, а учебной диетой, в процессе поглощения которой она якобы приобретается. Дискриминация в пользу школ, явно звучащая в предлагаемых Дженксом изменениях финансирования образования, способна дискредитировать один из важнейших принципов необходимой обществу образовательной реформы: возвращение инициативы и ответственности в образовании ученику или его непосредственному опекуну.

Взяться за освобождение общества от обязательного школьного обучения значит признать двойственную природу учения. Сведение образования к одним лишь практическим навыкам было бы катастрофой; необходимо уделять одинаковое внимание всем видам учения. Однако если даже для освоения практических навыков школа оказалась неподходящим местом, то еще хуже она служит делу приобретения образования. Обе эти задачи школа решает скверно – отчасти потому, что не различает их. Низкая эффективность школы в обучении практическим навыкам непосредственно связана с ее учебным планом. В школе всегда программа, направленная на совершенствование какого-либо определенного умения, обязательно оказывается связана с какой-нибудь совершенно посторонней задачей. Так, продвижение в изучении истории зависит от успешности освоения математики, а право пользоваться спортплощадкой – от посещения занятий.

Еще хуже школы умеют создавать условия для открытого, исследовательского применения приобретаемых умений, что называется, для «либерального образования». И дело здесь, главным образом, в том, что, став обязательными, школьные годы превращаются в «посещение ради посещения»: подневольное пребывание в обществе учителей во имя сомнительного удовольствия и дальше пребывать в этой компании. И точно так же, как обучение практическим навыкам необходимо освободить от ограничивающих рамок учебного плана, либеральное образование следует освободить от обязательного посещения школы. Институциональными условиями можно содействовать и формированию практических навыков, и образованию для изобретательства и творчества, однако природа их различна, а нередко и противоположна.

Большинство практических навыков может быть приобретено и развито упражнениями, поскольку овладение навыком предполагает освоение вполне определенных и предсказуемых действий. Поэтому обучение таким навыкам может основываться на имитации обстоятельств, в которых его предстоит использовать. Подготовка же к исследовательскому и творческому применению навыков не может строиться на натаскивании. Такое образование тоже может быть результатом обучения, только совершенно противоположного натаскиванию. В его основе – взаимоотношения партнеров, уже имеющих кое-какие ключи к коллективной памяти сообщества. Она полагается на критическое намерение всех тех, кто использует воспоминания творчески. Она полагается на удивление от неожиданного вопроса, который открывает нечто новое для того, кто спрашивает, и для его партнера.

Преподаватель навыка стремится создать обстоятельства, которые позволят ученику запомнить стандартные ответы на стандартные вопросы. Образовательный руководитель – наставник – заинтересован в том, чтобы помочь людям встретиться и начать учиться. Он помогает тем, кто начинает решать собственные нерешенные вопросы. В большинстве случаев он помогает ученику сформулировать свою задачу, потому что только ясная формулировка даст ему возможность найти партнера, который в данный момент движется по тому же пути и исследует ту же проблему в том же контексте.

Найти партнеров для образовательных целей поначалу кажется труднее, чем найти преподавателей навыка или партнеров по играм. Единственной причиной этому является глубокий страх, который внедрила в нас школа, страх, заставляющий нас бояться всего необычного. Не требующий лицензии обмен навыками – даже нежелательными навыками – более предсказуем и кажется поэтому менее опасным, чем ничем не ограниченная возможность встреч людей, которые сталкиваются с одной и той же проблемой, важной для них именно в этот момент в социальном, интеллектуальном или эмоциональном отношении.

Бразильский учитель Пауло Фрейре знает это по собственному опыту. Он обнаружил, что любой взрослый начинает читать через сорок часов после начала учения, если первые написанные им слова, которые он пытается понять, наполнены для него политическим смыслом. Фрейре призывает своих последователей отправиться в деревню и найти слова, которые говорят о важных текущих проблемах, таких, например, как доступ к социальным благам или сложные проценты по долгам своему *патрону*. Вечером крестьяне встречаются для обсуждения этих ключевых слов. Они начинают понимать, что каждое написанное слово остается на доске даже после того, как оно отзвучало. Буквы продолжают раскрывать действительность и превращают ее в проблему, с которой можно справиться. Я часто был свидетелем того, как дискуссии помогают участникам осознавать социальную действительность, и они начинают предпринимать политические действия с той же быстротой, с какой учатся читать. Они, похоже, в прямом смысле берут действительность в руки, потому что берут ее на карандаш.

Я помню человека, который жаловался на вес карандашей: ему было трудно управляться с ними, потому что их вес несоизмеримо меньше веса лопаты; и я помню другого, который по пути на работу остановился с товарищами и написал мотыгой на земле слово, которое обозначало предмет их обсуждения: «agua».⁵ Начиная с 1962 года, мой друг Фрейре переходил из одного изгнания в другое главным образом потому, что отказывался использовать при обучении те слова, которые выбраны и одобрены педагогами, а не те, которые участники обсуждений приносят в класс.

Подбор партнеров для образовательных целей среди людей, которых удалось успешно вышколить, — это совсем другая задача. Те, кто не нуждается ни в какой помощи, составляют меньшинство, даже среди читателей серьезных журналов. Большинство не может и не должно собираться для обсуждения лозунга, слова или картины. Но идея остается той же самой: они должны быть готовы встретиться для обсуждения проблемы, которая выбрана и определена ими по собственной инициативе. Творческое, исследовательское изучение возможно только среди равных по положению, занятых здесь и теперь одной и той же проблемой. Большие университеты делают бесполезные попытки подбирать партнеров по образованию, предлагая множество различных курсов, но они вообще неспособны справиться с этой задачей, поскольку связаны учебным планом, курсовой структурой и бюрократической администрацией. В школах, в том числе и в университетах, большинство ресурсов тратится на то, чтобы купить время и желание нескольких людей заниматься чужими проблемами в ритуальной обстановке. Наиболее радикальной альтернативой школе была бы сеть – служба, которая дала бы каждому человеку возможность обсудить то, что его волнует, с другими людьми, которых волнуют те же проблемы.

Я могу пояснить на примере, как такой интеллектуальный подбор мог бы работать в Нью-Йорке. Любой человек в любой момент и за минимальную плату может предъявить компьютеру свой адрес и номер телефона, отметив книгу, статью, фильм или запись, по поводу которых он ищет партнера для обсуждения. Через несколько дней он сможет получить по почте список других людей, которые проявили недавно аналогичную

⁵ Вода (исп.)

инициативу. Это позволило бы ему договориться по телефону о встрече с людьми, которые стали ему известны исключительно благодаря тому факту, что их интересует тот же самый предмет.

Подбор людей по их интересу к предмету очень прост. Он позволяет идентифицировать личность только на основе взаимного желания обсудить утверждение, написанное третьим лицом, и это оставляет инициативу подготовки встречи самому человеку. Обычно против этого предельно простого предложения выдвигаются три возражения. Я рассматриваю их здесь не только для того, чтобы прояснить теорию, которую хочу проиллюстрировать моим предложением, но чтобы выявить глубоко укоренившееся сопротивление образованию без школы, отделяющему учение от социального контроля, а также потому, что могу предложить существующие ресурсы, которые сейчас совершенно не используются для целей учения.

Первое возражение таково: а почему, собственно, нельзя объединиться вокруг идеи или проблемы? Конечно, такие субъективные термины могут использоваться в компьютерной системе. Политические партии, церкви, союзы, клубы, центры местного самоуправления и профессиональные сообщества уже организуют свою образовательную деятельность именно так и в результате действуют так, как действуют школы. Они собирают людей для того, чтобы исследовать определенные «темы», эти темы раздаются в курсах, семинарах и учебных планах, в которых предполагаемые «общие интересы» расфасованы заранее. Такой тематический подход по определению центрирован вокруг учителя, его авторитарное присутствие определяет для участников отправную точку их обсуждения.

Напротив, подбор по названию книги, фильма и т.д. предоставляет авторской воле определить специальный язык, термины и рамки, в которых заявлена данная проблема; это позволяет объединиться тем, кто принимает такие условия обсуждения. Например, объединение людей вокруг идеи «культурной революции» обычно ведет либо к неразберихе, либо к демагогии. А те, кто искренне хотят помочь друг другу, понимают каждое творение Мао, Маркузе, Фрейда или Гудмена как стоящее в великой традиции свободного познания, идущей от «Диалогов» Платона, которые построены вокруг предполагаемых утверждений Сократа, или от комментариев Фомы Аквинского по поводу Петра Ломбарда. Идея собирать по названию, таким образом, в корне отлична от теории, на которой, например, был построен клуб «Великие Книги» — вместо того, чтобы полагаться на выбор профессоров из Чикаго, любые два партнера могут сами выбрать любую книгу для самостоятельного анализа.

Второе возражение сводится к вопросу: почему нельзя в данные о предполагаемых партнерах включать информацию о возрасте, подготовке, мировоззрении, компетентности, опыте или о каких-то других характеристиках? Скажем снова — нет никакой причины, по которой такие дискриминационные ограничения не могли (и не должны были) быть включены в практику многих университетов — со стенами или без, — которые собирали бы людей вокруг данного названия. Я мог бы придумать систему для встречи заинтересованных людей, в которой при обсуждении будет присутствовать (или будет представлен) автор выбранной книги или компетентный советник; или систему, к которой имели бы доступ только студенты данного отделения или ученики данной школы; или такую, которая разрешает встречи только между людьми, которые определили свой специфический подход к обсуждаемому названию. Преимущества для достижения определенных целей учения могут найтись у каждого из этих ограничений. Но я боюсь, что чаще всего настоящей причиной для таких ограничений является предположение, что все люди невежественны: педагоги хотят избежать встречи невежд и невежественного прочтения текста, понимать который невежды не могут, а читают только потому, что, видите ли, заинтересовались этим.

Третье возражение: почему бы не оказывать участникам помощь, которая облегчит их встречи — предоставить место, составить расписание, предварительно отобрать и всячески опекать? Что ж, сейчас это делается школами, и делается со всей неэффективностью большой бюрократии. Если мы оставим инициативу для встреч самим участникам, то они, вероятно, найдут организации, сейчас не имеющие никакого отношения к образованию, которые сделали бы эту работу намного лучше. Я думаю, в частности, о владельцах ресторанов, издателях, о службе ответов на телефонные звонки, о менеджерах магазинов и даже о диспетчерах, которых можно было бы обучить организовывать образовательные встречи.

На первой встрече, скажем, в кофейне, партнеры могли бы представиться друг другу за чашкой кофе, а книга, выбранная для обсуждения, лежала бы рядом. Люди, которые возьмут на себя инициативу устройства таких встреч, скоро поймут, что именно надо указать, чтобы встретиться с нужными людьми. При этом риск, что самостоятельное обсуждение с незнакомыми партнерами приведет к потере времени, разочарованиям или даже неприятностям, конечно же, меньше, чем если бы приходилось встречаться с соучениками по колледжу. Устроенная компьютером встреча для обсуждения статьи в национальном журнале, проведенная в кофейне на Четвертой Авеню, не обязывала бы никого из участников и дальше проводить время с новыми знакомыми — можно выпить чашку кофе и распрощаться. А вот шансы на преодоление одиночества в современном городе и даже новую дружбу весьма велики, есть шанс самостоятельно найти работу, начать читать книги по определенной проблеме и т.д. (Тот факт, что о встречах и совместном чтении может стать известно ФБР, бесспорен; что это должно волновать кого-либо в 1970 году, для свободного человека смешно — пусть сбегаются и подслушивают, все равно ничего не поймут.)

И обмен навыками, и подбор партнеров основаны на предположении, что образование для всех означает образование всеми. Только мобилизация всего населения может привести к распространению культуры, а не отдельный проект в специализированном учреждении. Сейчас равные права для всех учиться и учить заранее закуплены лицензированными учителями. Компетентность же учителей, в свою очередь, ограничена тем, что можно делать в школе. В результате работа и досуг отчуждены друг от друга: как зритель, так и рабочий одинаково готовы вписаться в подготовленную для них установившуюся практику. Они заранее приспособлены к этой роли, инструкции и рекламы формируют их так же хорошо, как и формальное образование. Радикальная альтернатива «зашколенному» обществу требует не только новых механизмов для формального приобретения навыков и их образовательного использования. Общество, освобожденное от школы, приобретет новый подход к спонтанному (неформальному) образованию.

Спонтанное образование не может уже возвратиться к формам, характерные для учения в деревне или средневековом городе. Традиционалистское общество было скорее набором концентрических кругов смысловых структур, а современный человек должен понять, как найти смысл в многочисленных структурах, с которыми он соприкасается. В деревне язык и архитектура, работа и религия, семейные привычки были совместимы друг с другом, взаимно объясняли и укрепляли друг друга. Рост в одном подразумевал рост во всем остальном. Даже специализированное ученичество было побочным продуктом изготовления сапог или пения псалмов. Если подмастерье никогда не становился мастером, он тем не менее вносил свой вклад в изготовление обуви или пение церковного хора. Образование не посягало на время, отведенное для других работ или досуга. Почти все образование было комплексно, пожизненно и ненамеренно.

Современное общество — результат сознательного проектирования, так что и образовательные возможности должны быть разработаны сознательно. Мы должны меньше полагаться на специальную подготовку с помощью школы, мы должны найти

большее количество способов учиться и преподавать: образовательные свойства всех учреждений должны снова возрасти. Но такой прогноз имеет неоднозначный смысл. Он может означать, что люди в современном городе будут все более становиться жертвами «эффективного обучения» и манипуляции, как только лишатся даже той незначительной, пусть притворной, но все же существенной независимости, которую либеральные школы сейчас дают по крайней мере некоторым из своих учеников.

Но это может также означать, что люди сумеют стать независимыми от удостоверений, получаемых в школе, научатся не соглашаться и тогда, может быть, сумеют контролировать деятельность учреждений, в которых они работают. Чтобы это произошло, мы должны научиться определять социальную ценность работы и досуга теми деловыми и образовательными возможностями, которые они предлагают. Участие в политической жизни улицы, места работы, библиотеки, программы новостей или больницы дает возможность оценить их уровень как образовательных учреждений.

Я говорил недавно с группой учеников средней школы, организующих движение сопротивления обязательному переводу в следующий класс. Их лозунг был «участие, а не симуляция». Они были очень разочарованы тем, что это было понято, как требование снизить уровень образования, и это напомнило мне возражения, которые высказал Карл Маркс против пассажа в Готской программе, которая — сто лет назад — требовала объявить вне закона детский труд. Он выступал против этого в интересах образования молодежи, которое могло происходить только на работе. Если бы величайшим плодом труда человека было бы образование, которое он получает благодаря работе, и возможности, которые работа дает ему, чтобы служить образованию других, тогда следовало бы признать, что педагогическое отчуждение в современном обществе еще хуже, чем экономическое.

Главное препятствие на пути к обществу с подлинным образованием было хорошо определено моим чернокожим чикагским другом, который сказал мне, что наше воображение насквозь «зашколено». Мы разрешаем государству определять недостатки в образовании граждан и учреждать специальные организации, чтобы их устранять. Тем самым мы позволяем государству решать за других, какое образование им необходимо, а какое — нет, совсем как в прежних поколениях устанавливали законы о том, что является священным, а что — светским.

Дюркгейм считал, что эта способность делить социальную действительность на два царства составляла сущность формальной религии. Есть, говорил он, религии без сверхъестественного и религии без богов, но нет таких, которые не подразделяют мир на вещи, времена и людей, являющихся священными или светскими. Открытие Дюркгейма вполне применимо к социологии образования, ибо школа все делит подобным образом.

Само существование обязательных школ делит любое общество на два царства: некоторые промежутки времени, процессы, виды деятельности и профессии — «академические» или «педагогические», а другие — нет. Таким образом, власть школы делить социальную действительность не имеет никаких границ: образование становится не от мира сего, и мир становится не образовательным.

Начиная с Бонхоффера⁶, современные теологи указывают на смешение святого писания и институционализированной религии. Они говорят о пользе, которую христианская свобода и вера обычно извлекают из отделения церкви от государства. Их утверждения многим церковникам кажутся богохульными. Совершенно бесспорно, что образовательный процесс извлечет пользу из освобождения общества от школы, хотя это требование кажется многим учителям изменой просвещению. Но это и есть само просвещение, которое сейчас в школах подавляется.

⁶ Дитрих Бонхофер — протестантский священник, автор книги «Цена ученичества», участник движения сопротивления, участник покушения на Гитлера.

Отделение христианской церкви от государства зависит от воцерковленных христиан. Почти так же освобождение образования от школ зависит от деятельности тех, кого учили в школах. То, что их так учили, не может служить оправданием: каждый из нас остается ответственным за то, что из него сделали, даже если все что он может сделать, – это принять ответственность и служить предупреждением другим.

2

Феноменология школы

Некоторые слова постепенно становятся настолько гибкими, что перестают быть полезными. «Школа» и «обучение» – как раз такие слова. Как амеба, они проскальзывают в любую щелку языка. АВМ⁷ задаст урок русским, IBM обучит негритянских детей, а армия может стать школой нации.

Поэтому прежде, чем искать альтернативы современной школе, надо ясно определить, что мы называем «школой». Это можно сделать несколькими способами. Начать можно с перечисления скрытых функций, выполняемых современными школьными системами, таких, как охрана и опека, селекция, идеологическая обработка и обучение. Можно было бы провести анализ потребностей клиентов школы (учителей, работодателей, детей, родителей, а также представителей разных профессий) и выяснить, какие из них удовлетворяются посредством этих скрытых функций, а какие – нет. Мы могли бы рассмотреть историю западной культуры, а также данные, собранные антропологами, и выявить учреждения, игравшие роль, подобную той, что теперь выполняют школы. Мы могли бы, наконец, вспомнить многие нормативные утверждения, сделанные со времен Коменского или даже Квинтилиана и выяснить, какое из них ближе современной школьной системе. Но любой из этих подходов заставляет нас сделать некоторые допущения об отношениях между школой и образованием. Чтобы выработать язык, на котором мы могли бы говорить о школе, не обращая постоянно к понятию образования, я выбрал для начала нечто, что можно назвать феноменологией государственной школы. С этой целью я буду определять «школу» как учреждение, которое человек определенного возраста обязан посещать, а учителя определяю как человека, требующего строгой посещаемости согласно обязательному учебному плану.

1. Возраст. Школа группирует людей по возрасту. Такая группировка опирается на три не подвергаемых сомнению предположения, а именно: дети принадлежат школе; дети учатся в школе; детям можно преподавать только в школе. Я думаю, что эти предположения необходимо тщательно исследовать.

Мы привыкли к жизни среди детей. Мы решили, что они должны ходить в школу, делать, что им говорят, и не иметь ни собственных доходов, ни своей семьи. Мы ожидаем, что они будут знать свое место и будут вести себя, как дети. Мы вспоминаем, ностальгически или с горечью, о том времени, когда мы сами были детьми. Мы терпимы к ребяческому поведению детей. Человечество для нас – это вид, одновременно и подавленный, и благословленный задачей заботы о детях. При этом мы забываем, что наша концепция «детства» сложилась в Западной Европе совсем не так давно, а в Америке и вовсе недавно.⁸

⁷ АВМ - система ПРО, IBM – название известной компьютерной фирмы и одновременно аббревиатура, означающая Intercontinental ballistic missile – межконтинентальная баллистическая ракета.

⁸ О параллельных историях современного капитализма и современного детства см. Philippe Aries, *Centuries of Childhood*, Knopf, 1962. (прим. автора)

Детство как таковое, в отличие от младенчества, подросткового возраста или юности было неизвестно в большинстве исторических периодов. Христиане несколько столетий даже не умели определить его телесные размеры. Художники изображали ребенка, как миниатюрного взрослого на руках матери. Дети появились в Европе во времена Ренессанса вместе с карманными часами и христианскими ростовщиками. До нашего века ни бедные, ни богатые не знали, что такое детские платья, детские игры или детская неприкосновенность перед законом. Детство принадлежало буржуазии. Ребенок рабочего, крестьянина и дворянина проходил путь, который проходили отцы, играл в игры, в которые играли отцы, и, как отцов, их вешали за шею. После открытия «детства» буржуазией все это изменилось. Только некоторые церкви продолжали уважать в течение некоторого времени достоинство и зрелость юных. До Второго Ватиканского Собора каждый ребенок знал, что христианин начинает различать добро и зло в возрасте семи лет, и начиная с этого возраста он способен совершать грехи, за которые он может быть осужден вечно гореть в аду. К середине этого столетия родители из среднего класса начали избавлять своих детей от давления этой доктрины, и теперь в практике церкви преобладают их взгляды на детей.

До прошлого века «дети» буржуазных родителей воспитывались дома с помощью домашних учителей и частных школ. Только с возникновением индустриального общества массовое производство «детства» стало осуществимым и действительно появилось. Школьная система – современное явление, как и детство, благодаря которому она существует.

Поскольку большинство людей и сегодня живет вне промышленных городов, оно не переживает детства. В Андах вы еще пачкаете штаны, когда становитесь «полезным». В этом возрасте вы уже пасете овец. Если вас хорошо воспитывают, вы должны стать полезны к одиннадцати-двенадцати годам. Недавно я говорил с моим ночным сторожем, Маркосом, о его одиннадцатилетнем сыне, который работает в парикмахерской. Я отметил по-испански, что его сын еще «*niño*». Маркос, удивленный, ответил с бесхитростной улыбкой: «Дон Иван, я полагаю, что вы правы». Осознав, что до моего замечания отец думал о Маркосе прежде всего как о «сыне», я почувствовал себя виноватым – я попытался разделить завесой детства двух разумных людей. Конечно, если бы я сообщил обитателю нью-йоркских трущоб, что его работающий сын – все еще «ребенок», он не выказал бы никакого удивления. Он знает очень хорошо, что его одиннадцатилетнему сыну полагается детство, и негодует, что не может себе этого позволить. Сыну Маркоса еще надо внушить, что он должен тосковать о детстве; сын нью-йоркца уже чувствует себя обделенным.

Таким образом, большинство людей во всем мире не хочет или не может обеспечить современное детство своим детям. Более того, как кажется, детство обременительно для большого числа людей даже из тех немногих, кому оно дозволено. Многие из них просто вынуждены пройти через это и несколько не рады, что им приходится играть роль ребенка. Прохождение через детство означает жестокий конфликт между самосознанием и ролью, навязанной обществом, проходящим собственный школьный возраст. Ни Стивен Дедалус, ни Александр Портной⁹ не наслаждались детством, и никто из нас, как я подозреваю, не любит, чтобы с ним обращались, как с ребенком.

Если бы не было определенного возрастом обязательного обучающего учреждения, «детство» перестали бы воспроизводить. Молодежь богатых наций была бы освобождена от его разрушительного действия, и бедные нации перестали бы пытаться соперничать с детством богатых. Если бы общество переросло возраст детства, это стало бы приемлемым для молодых. Существующее расхождение между взрослым обществом,

⁹ Стивен Дедалус – герой «Улисса» Джойса, Александр Портной – герой романа Филипа Рота «Случай Портного»

которое притворяется гуманным, и школьной средой, которая передразнивает действительность, больше не смогло бы существовать.

Уничтожение обязательной школы могло бы также прекратить существующую дискриминацию младенцев, взрослых и стариков в пользу детей подросткового возраста и юных. Социальное решение направлять образовательные ресурсы предпочтительно на тех граждан, кто уже перерос необыкновенную способность к учению первых четырех лет и не достиг еще возраста активного самостоятельного учения, в будущем, вероятно, покажется странной.

Как сообщает нам институциональная мудрость, детям нужна школа. Институциональная мудрость сообщает нам также, что дети учатся в школе. Но сама эта институциональная мудрость – продукт измышления школ, потому что нормальный здравый смысл подсказывает нам: только детей и можно обучать в школах. Только загоняя людей в детство, мы можем заставить их подчиняться власти школьного учителя.

2. *Учителя и ученики.* По определению, дети – это ученики. Спрос на среду детства создает неограниченный рынок для аккредитованных учителей. Школа – учреждение, построенное на аксиоме, что учение является результатом обучения. И институциональная мудрость продолжает принимать это как аксиому, несмотря на массу свидетельств противоположного.

Мы все узнали большую часть того, что знаем, не в школе. И ученики учатся не благодаря учителям, а часто несмотря на своих учителей. Но что особенно трагично, школа преподает свои уроки даже и тому большинству людей, которые никогда не ходили в нее.

Каждый научается жить не в школе. Мы учимся говорить, думать, любить, чувствовать, играть, проклинать, заниматься политикой и работать без вмешательства учителя. Даже дети, которые находятся на попечении учителя день и ночь, не являются исключением из правил. Сироты, идиоты и сыновья школьных учителей учатся большинству того, что они знают, вне «образовательного» процесса, специально для них запланированного. Попытки учителей привлечь к учению в школе бедных учеников не имеют успеха. Бедные родители, которые хотят, чтобы их дети ходили в школу, гораздо больше обеспокоены свидетельством об окончании школы и будущей зарплатой, чем тем, что именно они будут там изучать. И родители из среднего класса вверяют своих детей заботе учителя, чтобы предохранить их от изучения того, чему бедные учатся на улицах. Исследования в области образования показывают, что дети усваивают большинство того, что учителя якобы преподают им, от групп сверстников, от комических актеров, благодаря случайным наблюдениям и прежде всего просто из участия в ритуальных школьных действиях. Учителя же чаще всего только осложняют такое непринужденное изучение предметов требованием обязательного посещения школы.

Половина людей в нашем мире никогда не переступает порог школы. Они не имеют никакого контакта с учителями, они даже лишены привилегии быть исключенными из школы. И все же они изучают, и весьма эффективно, то главное, чему учит школа: все должны ходить в школу и чем дольше, тем лучше. Школа закрепляет их комплекс неполноценности через сборщика налогов, который заставляет их оплачивать ее, или через демагога, который вызывает у них большие ожидания от школы, или через их детей, как только последний из них будет подцеплен на этот крючок. Так что бедных ограбили: их лишили чувства собственного достоинства, как только они поверили, что спасение дается только через школу. Церковь, по крайней мере, давала им шанс раскаяться в смертный час. Школа покидает их, оставляя фальшивое обещание, что их внуки будут туда ходить. Это, конечно, очень познавательное сообщение, пришедшее не от учителей, а от школы как таковой.

Ученики никогда не полагались в учении на учителей. Способные или тупые, все они одинаково надеются на механическое заучивание и ловкое умение сдавать экзамены, подгоняемые либо палкой, либо морковкой желательной карьеры.

Взрослые склонны романтизировать свое обучение. Ретроспективно они приписывают свои достижения в учении учителю, чье терпение они достаточно изучили, чтобы восхищаться им. Но те же самые взрослые встревожились бы по поводу умственного здоровья ребенка, который стремглав мчится домой, чтобы рассказать им то, что он узнал от каждого своего учителя.

Школы создают рабочие места для школьных учителей независимо от того, учатся благодаря им их ученики, или нет.

3. *Полная посещаемость.* Каждый месяц я вижу еще один список предложений, сделанных некоторыми американскими промышленниками управлению международного развития, предлагающее замену латиноамериканских «практикующих учителей» или дисциплинированными системными администраторами, или учебным телевидением. В Соединенных Штатах получает признание система преподавания, представляющая собой командное предприятие образовательных исследователей, проектировщиков и техников. Но независимо от того, является ли в класс сельская учительница или команда людей в белых одеждах, и независимо от того, преуспевают ли они в преподавании предмета, поименованного в программе, или терпят неудачу, профессиональный учитель создает в классе обстановку для священнодействия.

Неуверенность в будущем профессионального преподавания ставит под вопрос судьбу школьного класса. Если бы педагоги-профессионалы действительно специализировались в содействии учению, они должны были бы отказаться от системы, заставляющей учеников собираться вместе от 750 до 1000 раз в год. Но учителя, конечно, не довольствуются и этим. Институциональная школьная мудрость внушает родителям, ученикам и педагогам, что учитель, если уж он преподает, должен осуществлять свои полномочия в сакральной обстановке. Это касается и тех учителей, которые проводят большинство своих занятий за пределами классной комнаты.

Школа по самой своей природе требует всего времени и всей энергии всех участников педагогического процесса. Это, в свою очередь, превращает учителя в жреца, проповедника и врача.

В каждой из этих трех ипостасей учитель основывает свою власть на различных требованиях. *Учитель-жрец* действует как мастер церемоний, который ведет своих учеников через длительный лабиринтоподобный ритуал. Он руководит соблюдением правил и соблюдает запутанные каноны инициирования к жизни. В лучшем случае он закладывает фундамент для приобретения некоторого навыка, что всегда делают учителя. Не обольщаясь иллюзиями глубины изучения, он натаскивает своих учеников в некоторых базисных установившихся практиках.

Учитель-моралист замещает родителей, Бога или государство. Он указывает ученику, что правильно и что неправильно, причем не только в школе, но также и в обществе. Он стоит loco parentis (на месте родителей – прим. перев.) для каждого и таким образом создает у всех ощущение, что они дети одного и того же государства.

Учитель-врач чувствует себя вправе копаться в личной жизни ученика, чтобы помочь ему вырасти человеком. Когда эта функция осуществляется опекуном и проповедником, это обычно означает, что он убеждает ученика подчинить общим правилам свое видение правды и свое ощущение правоты.

Требование, чтобы либеральное общество основывалось на современной школе, парадоксально. В отношениях учителя с его учеником отменены все гарантии индивидуальной свободы. Когда школьный учитель соединяет в своей личности функции судьи, идеолога и врача, устои общества извращаются тем самым процессом, который

должен готовить человека к жизни. Учитель, который соединяет в себе эти три полномочия, деформирует природу ребенка намного больше, чем законы, которые устанавливают его принадлежность к юридическому или экономическому меньшинству, ограничивают свободу собраний или местожительство.

Учителя – не единственные профессионалы, которые предлагают терапию. Психиатры, советники, консультанты по труду, даже юристы помогают своим клиентам принимать решения, развивать свою личность и учиться. Однако здравый смысл подсказывает клиенту, что такие профессионалы должны воздерживаться от навязывания своих мнений о том, что правильно, а что неправильно, или от принуждения кого-либо следовать их советам. Школьные учителя и священники – единственные среди профессионалов, кто чувствует себя вправе совать нос в частные дела своих клиентов и в то же самое время проповедовать неприкосновенность личности перед аудиторией, которая не смеет шевельнуться.

Дети, стоящие перед светским священником – учителем, не защищены ни первой, ни пятой поправками. Ребенку приходится противостоять человеку, носящему невидимую тройную корону, подобную папской тиаре, – символ тройной власти, объединенной в одном человеке. Перед ребенком учитель предстает пастором, пророком и священником, он сразу и проводник, и учитель, и распорядитель священного ритуала. Он объединяет требования, предъявлявшиеся к средневековым римским папам, и это происходит в обществе, которое и образовалось при условии, что эти функции никогда не будут осуществляться совместно одним установленным и обязательным учреждением — церковью или государством.

Определив детей как учеников, которые обязаны всегда посещать школу, учителю разрешают осуществлять власть над людьми, которая гораздо менее ограничена конституционными и уставными ограничениями, чем власть, которую имеют опекуны из других социальных учреждений. А биологический возраст детей не позволяет им пользоваться гарантиями, обычными для взрослых в современных приютах, будь то сумасшедший дом, монастырь или тюрьма.

Под авторитетным взглядом учителя несколько разного порядка ценностей схлопываются в одну. Различия между этикой, законностью и личным достоинством затуманиваются и в конце концов исчезают. Каждый проступок ощущается не как единственное, а как многократное нарушение. Правонарушитель должен восчувствовать, что он нарушил правила, вел себя безнравственно и подвел себя под монастырь. Ученик, который ловко воспользовался шпаргалкой, оказывается человеком, нарушившим закон, нравственно испорченным и лично ничего не стоящим.

Посещение класса удаляет детей от каждодневного мира западной культуры и погружает их в среду гораздо более примитивную, магическую и смертельно серьезную. Школа не могла создать такую замкнутую группу, в которой правила обычной действительности были бы приостановлены, пока физически не лишила детей свободы – последовательно, на многие годы, на священной территории. Необходимость обязательного посещения превращает классную комнату в некое подобие магической матки, из которой ребенок периодически высылается по завершении учебного дня и учебного года, пока наконец не отправляется совсем во взрослую жизнь. Ни одинаковое для всех продленное детство, ни удушливая атмосфера классной комнаты не могли бы существовать без школ. А школы, как обязательные каналы для учения, могли бы существовать без всего остального и быть еще более репрессивными и разрушительными, чем все что нам уже известно. Чтобы понять, что означает не просто реформировать образовательное учреждение, а совсем освободиться от школы, мы должны проанализировать скрытый учебный план. Мы не интересуемся здесь вплотную скрытым учебным планом улиц гетто, который накладывает свой отпечаток на бедных, или скрытым учебным планом уютной гостиной, который полезен богатым. Мы более

заинтересованы привлечь внимание к тому факту, что церемониал или ритуал самого обучения как такового и составляет этот скрытый учебный план. Даже лучшие из учителей не могут вполне защитить своих учеников от этого учебного плана. Он с неизбежностью добавляет предубеждение и вину к дискриминации, которую практикует общество против одних своих членов, и одновременно усиливает привилегии других, наделяя их правом свысока относиться к большинству. Таким образом, этот скрытый учебный план одинаково служит и для бедных, и для богатых ритуалом инициирования в общество, ориентированное на рост потребления.

3

Ритуализация прогресса.

Выпускник университета вышколен и отобран для службы среди богатых мира сего. Безотносительно к утверждениям о солидарности с третьим миром, каждый выпускник американского колледжа имеет образование, стоящее раз в пять раз больше, чем средний доход половины человечества. Латиноамериканский студент входит в это исключительное братство при условии, что на него потрачено по крайней мере в 350 раз больше общественных денег, чем на гражданина среднего дохода. За очень редкими исключениями, выпускник университета из бедной страны чувствует себя удобнее с североамериканскими и европейскими коллегами, чем с его невышколенными соотечественниками, и все студенты так академически обработаны, что чувствуют себя счастливыми только в компании товарищей по потреблению продуктов образовательной машины.

Современный университет позволяет инакомыслие только тем, кто был проверен и классифицирован как потенциально способный делать деньги или стоять у власти. Никто не получит средств, чтобы учиться самому, или право обучать других, если он не получил соответствующего свидетельства. Школы отбирают для каждого следующего уровня тех, кто на более ранних стадиях игры доказал свою готовность придерживаться установленного порядка. Имея монополию на ресурсы образования и право раздавать должности, университет всасывает в себя первооткрывателей и потенциальных инакомыслящих. Полученная степень оставляет несмыслимый ярлык (с указанием цены) на послужном списке потребителя. Сертифицированные выпускники колледжа могут приспособиться только в том мире, в котором ярлык с указанием цены носят на лбу, позволяя определять, чего ждать от каждого. В любой стране уровень потребления выпускника колледжа задает стандарт для всех остальных – будь он человек из приличного общества или безработный, он будет стремиться к стилю жизни выпускников колледжа.

Университет, таким образом, имеет влияние на потребительские стандарты на работе и дома, и это происходит в любой части мира и при любой политической системе. Чем меньше в стране выпускников университета, тем большее количество их возросших требований принимается за образец остальной частью населения. Разрыв между потреблением выпускника университета и среднего гражданина в России, Китае и Алжире даже больше, чем в Соединенных Штатах. Автомобили, полеты на самолете и магнитофоны создают еще более заметное различие в социалистической стране, где только степень, а не деньги как таковые, может дать такой уровень потребления.

Способность университета устанавливать цели потребителя – это нечто новое. Во многих странах университет приобрел эту власть только в шестидесятых, так как именно тогда начало распространяться заблуждение о возможности равного доступа к общественному образованию. Раньше университет защищал свободу слова человека, но не преобразовывал автоматически его знания в богатство. Быть ученым в средневековье означало быть бедным, даже нищим. В силу своего призвания средневековый ученый,

изучивший латынь, становился аутсайдером, достойным наряду с уважением также и пренебрежения со стороны крестьянина и принца, бюргера и клерикала. Для того, чтобы продвинуться в этом мире, ученый сначала должен был пойти на государственную службу, предпочтительно церковную. Старый университет был свободной зоной для открытий и обсуждения идей, новых и старых. Мастера и ученики собирались, чтобы читать тексты других мастеров, давно умерших, и живые слова мертвых классиков создавали новую перспективу для ошибок сегодняшнего дня. Университет в те времена сочетал академические поиски с общей захваченностью проблемой.

В современном университете, где существует великое множество специализаций, это сообщество разбежалось по мелким группкам, теперь их встречи проходят в студенческой конуре, кабинетах преподавателей или каморке капеллана. Структурная цель современного университета имеет мало общего с традиционными поисками истины. Со времен Гутенберга дисциплинированная критическая дискуссия переместилась с кафедры в печать. Современный университет утратил умение создавать обстановку для столкновения различных мнений, может быть, и анархических, однако спонтанных и кипучих, и вместо этого начал управлять процессом, следующим инструкции и производящим так называемое исследование.

Американский университет со времен спутника пытается догнать Советский Союз по уровню подготовки выпускников. А сейчас и немцы отказываются от академической традиции и строят «университетские городки», чтобы догнать американцев. В течение нынешнего десятилетия расходы на среднюю школу планируется увеличить от 14 до 59 миллиардов немецких марок и больше чем втрое увеличить расходы на высшее образование. Французы собираются к 1980 г. поднять расходы на школу до 10 процентов ВВП, а Фонд Форда подталкивает бедные страны в Латинской Америке поднять расходы на душу населения для «респектабельных» выпускников до североамериканского уровня. Студенты воспринимают свои занятия как инвестиции с самыми высокими дивидендами, а государства видят в них ключевой фактор своего развития.

Для большинства студентов, которым прежде всего нужна степень, университет не потерял своего престижа, но начиная с 1968 года он явно утратил свой статус в глазах верующих. Студенты отказываются готовиться к войне, продолжать загрязнение среды и сохранять нынешние предрассудки. Преподаватели солидаризируются с ними в сомнениях относительно законности правительства, его внешней политики, образования и американского образа жизни. Кое-кто отвергает степени и готовится к жизни в контркультуре, вне этого сертифицированного общества. Они, кажется, выбирают путь средневековых Фратичелли и Алюмбрадос Реформации, хиппи и других изгоев современности. Другие признают монополию школ на ресурсы, которые нужны им самим, чтобы строить иное общество. Они поддерживают друг друга, стараясь сохранить достоинство, подчиняясь академическому ритуалу. Они формируют, если можно так выразиться, рассадник ереси прямо внутри иерархии.

Однако большая часть населения смотрит на эту современную мистику и современных ересиархов с тревогой. Они угрожают экономике потребления, демократии и самоощущению Америки. Но они не могут отступить. Малую их часть можно заманить обратно, если проявить достаточно терпения и тонкости — например, предложив им преподавать их ересь. В общем, применяется весь набор средств, который позволяет либо избавляться от диссидентов, либо уменьшить важность университета, который служит им базой для протеста.

Студенты и целые факультеты, подвергающие сомнению законность университета, платят за это высокую цену, и, конечно, не чувствуют, что они устанавливают стандарты потребления или развивают систему производства. Основатели таких групп, как Комитет обеспокоенных азиатских ученых или Североамериканский конгресс по Латинской Америке (NACLA), немало потрудились, чтобы миллионы молодых людей радикально

изменили свое восприятие действительности зарубежных стран. Другие пытались разработать марксистские интерпретации американского общества или брались за создание коммун. Так или иначе, достижения этих групп заставляют по-новому увидеть, что существование университета необходимо, чтобы обеспечить длительную социальную критику.

В положении университета обстоятельства сошлись таким образом, что позволяют некоторым из его членов критиковать все общество. Он дает время, подвижность, доступ к сверстникам и информации, а также некоторую безнаказанность — привилегии, не всегда доступные другим слоям населения. Но университет дает эту свободу только тем, кто уже глубоко увяз в обществе потребления и чувствует потребность в обязательном государственном образовании.

Школьная система сегодня выполняет триединую функцию, характерную, как видно из истории, для могущественных церквей. Она является одновременно хранилищем социальных мифов, средством узаконения противоречий, содержащихся в этих мифах, и центром ритуальных действий, воспроизводящих и поддерживающих расхождения между этими мифами и реальностью. Сегодня вся школьная система, а особенно университет, дает вполне достаточную возможность для критики мифа и для восстания против его институциональных извращений. Но ритуал, который требует терпимости к фундаментальным противоречиям между мифом и социальными институтами, все еще считающимися бесспорными, закрытыми для идеологической критики и социального действия, может перенести этот миф в новое общество. Только полное развенчание и отречение от этого главного социального ритуала, его преобразование может вызвать достаточно радикальные перемены.

Американский университет стал заключительной стадией наиболее всеобъемлющего обряда инициирования, который мир когда-либо знал. Нет такого общества в истории человечества, которое умело бы обходиться без ритуалов или мифов. Наше, однако, первое, которому понадобились такие тоскливые, затяжные, деструктивные и дорогостоящие процедуры посвящения в его мифы. И именно современная цивилизация впервые сочла необходимым как-то оправдать свой основополагающий ритуал инициации, называемый образованием. Мы не сможем начать реформу образования, пока не поймем, что ритуал школьного обучения не обеспечивает ни индивидуального учения, ни социального равенства. Мы не сможем преодолеть потребительский характер нашего общества, пока не осознаем, что обязательное государственное образование с неизбежностью воспроизводит такое общество, чему бы в нем не учили.

Предлагаемый мною проект по демифологизации образования не может ограничиваться университетами. Пытаться реформировать университеты, не трогая систему, неотъемлемой частью которой они являются, все равно что решиться перестраивать Нью-Йорк, начиная с 12-го этажа. Большинство реформ, осуществляемых в наше время на уровне колледжей, напоминают строительство многоэтажных трущоб. По-настоящему новые университеты может создать только поколение, выросшее без обязательных школ.

Миф о Согласованных Ценностях.

Школа приобщает нас к мифу бесконечного потребления. Этот современный миф основан на вере в то, что процесс производства неизбежно порождает что-то ценное, и поэтому производство обязательно рождает спрос. Школа учит нас, что только обучение порождает учение. И тогда само существование школ порождает спрос на обучение. А как только мы научаемся нуждаться в школе, мы и во всем остальном становимся своего рода клиентами по отношению к тем или иным специализированным учреждениям. Отказав в социальном признании и уважении человеку, приобретаемому образованию самостоятельно,

общество ставит под подозрение любую непрофессиональную деятельность. В школе мы усваиваем, что результаты учения зависят от посещаемости; что они тем выше, чем больше мы ходим в школу; и, наконец, что эти результаты могут быть измерены и зафиксированы документами и удостоверениями.

На самом же деле учение — это такая человеческая деятельность, которая в наименьшей степени нуждается в руководстве со стороны других людей. Истинное образование по большей части не является результатом обучения. Оно возникает в результате свободного участия в осмысленной деятельности. Большинство людей лучше всего учится именно так, а школа заставляет их поверить, что их личный познавательный рост обеспечивается тщательным планированием и руководством.

Признав необходимость школы, человек становится легкой добычей и для других институтов. Однажды позволив ограничить свою любознательность обучением по расписанию и учебному плану, молодые люди готовы подчиниться любому внешнему планированию. Обучение душит их порывы. Их уже нельзя предать — можно только обсчитать, ведь их учили ожидать, а не надеяться. Их больше не поражают поступки других людей — ни добрые, ни злые — ведь их научили, чего можно ждать от всякого другого человека, которого учили так же, как их. И это отношение равно распространяется и на людей, и на механизмы.

Такой перенос ответственности с личности на учреждение надежно обеспечивает социальный регресс, особенно, когда он считается обязательным. Так, восставшие в годы учения против порядков в своей Альма Матер выпускники добиваются мест на ее кафедрах, вместо того, чтобы самим набраться мужества и других заразить идеей личного, самостоятельного учения и принятия полной ответственности за его результаты. Это как бы новая версия истории об Эдипе, который женится на собственной матери и заводит с нею детей, — история об Эдипе-Учителе. Мужчина, привыкший к обучению, ищет прибежища в принудительном преподавании. Женщина, считающая свои знания результатом специально организованного процесса, стремится воспроизводить его в других.

Миф об Измеряемых Ценностях

Ценности, навязываемые школой, измеримы. Школа вводит молодых людей в мир, где все может быть измерено: и человеческие порывы, и сам человек.

Но личностный рост не измерить. Это развитие дисциплинированного сомнения не поддается измерению никаким эталоном, никаким учебным планом, никаким сравнением с чужими достижениями. В таком учении можно подражать другим только в творческих усилиях и скорее следовать по их стопам, чем подражать их походке. Для меня ценное учение — это воссоздание, которое невозможно измерить.

Школа осмеливается разбивать учение на «содержание» по предметам, вколачивать в ученика программу, составленную из этих готовых блоков, и оценивать результаты в международном масштабе. Люди, подчинившиеся чужим стандартам измерения собственного личностного роста, очень быстро начинают сами применять к себе эти правила. Им уже не надо указывать их место, они сами расползаются по предписанным щелям, втискиваются в ниши, к которым приучены стремиться, попутно расставляя по местам и своих товарищей, — до тех пор, пока всё и все не приведены в полное соответствие.

Вышколенные до нужного состояния люди уже не способны заметить неизмеримое. Все, что не может быть измерено, для них второстепенно и опасно. Их не лишит творчества — они на него не способны. Рабы обучения, они разучились делать что-нибудь свое и быть самими собой, и ценят только то, что сделано или могло быть сделано.

Однажды согласившись с навязываемым школой представлением о том, что все ценное производимо и измеримо, люди склонны принимать любое ранжирование. Всему своя шкала – развитию государств, интеллекту младенцев, и даже прогресс в борьбе за мир можно оценить по изменению числа жертв войны. В вышколенном мире дорога к счастью вымощена потребительскими индексами.

Миф об Упакованных Ценностях

Школа продает учебный план — группу товаров, изготовленных посредством того же процесса и имеющего такую же структуру, как и другие товары. Производство учебного плана для большинства школ начинается с якобы научного исследования, на основании которого образовательные инженеры предсказывают будущий спрос и создают инструменты для сборочной линии в рамках имеющегося бюджета и установленных табу. Учитель-дистрибьютор поставляет готовое изделие ученику-потребителю, чьи реакции тщательно изучаются и фиксируются, чтобы обеспечить исследовательские данные для подготовки следующей модели, будь то обучение «без оценок», обучение по программам, «разработанным учащимися», «обучение командой», «визуально поддержанное» или «проблемно-центрированное» обучение.

Результат процесса производства учебного плана очень похож на любой другой современный товар. Это — набор спланированных смыслов, пакет ценностей, вещь, чья «рассчитанная привлекательность» позволяет обеспечить ему достаточный рыночный успех, оправдывающий расходы на его производство. Потребителей-учеников учат приспособливать свои желания к имеющимся на рынке ценностям. Отметками и документами об образовании, которые обеспечат им место в соответствующей категории работников, их приучают чувствовать себя виноватыми, когда их поведение не соответствует предсказаниям исследователей потребительского спроса.

Педагоги оправдывают все более дорогостоящие учебные планы своими наблюдениями, из которых следует, что трудности учения растут прямо пропорционально стоимости учебного плана – в полном соответствии с законом Паркинсона: объем работы тем больше, чем больше ресурсов на нее отпущено. Этот закон подтверждается на всех уровнях школы: например, трудности чтения стали основной проблемой во французских школах только с того момента, как стоимость обучения одного ученика в них приблизились к американскому уровню 1950-х, когда трудности чтения стали главной проблемой в американских школах.

На самом же деле, чем больше школа пытается манипулировать учением, тем сильнее нормальный ученик сопротивляется обучению. Причина этого сопротивления – вовсе не авторитарный стиль государственной школы и не атмосфера вседозволенности в некоторых свободных школах, а фундаментальное представление, общее для всех школ: не ученику решать, чему и когда он должен учиться, это дело других людей.

Миф о Неуклонном Прогрессе

Как это ни парадоксально, но увеличение расходов на обучение одного ученика, даже если оно сопровождается снижением результатов обучения, увеличивает ценность ученика и в его собственных глазах, и на рынке. Школа старается во что бы то ни стало втянуть ученика в состязание за потребление все новых и новых учебных программ, в продвижение ко все более высоким уровням обучения. И чем выше он взбирается по образовательной пирамиде, тем больше денег тратится на поддержание у него мотивации к продолжению обучения. На более высоких уровнях системы образования эти расходы маскируются под новые футбольные стадионы, школьные (университетские) часовни или

заманчивые названия (вроде программ «Международного образования». Если школа чему-то и учит, то это ценность эскалации — ценность американского образа жизни.

Достойный пример такой логики – война во Вьетнаме. Ее успех измерялся числом людей, эффективно убитых дешевыми пулями, предоставленными по немыслимой цене, и эти варварские расчеты бесстыдно именовались «числом жертв». Бизнес есть бизнес, т.е. бесконечное накопление денег, а война есть убийство — бесконечное накопление мертвых тел. Точно так же образование есть обучение, и этот бесконечный процесс рассчитывается в ученико-часах. Процессы разные, но равно необратимые и самодостаточные. С точки зрения экономики – страна становится все богаче и богаче. С точки зрения учета смертности – страна и дальше будет выигрывать в войне. А по школьным стандартам – население становится все более и более образованным.

Школьные программы требуют все большего обучения, которое, даже если и обеспечивает их устойчивое поглощение учеником, никогда не приносит ему радости познания и удовлетворения. Всякий учебный предмет приходит к нему в упаковке с инструкцией, предписывающей определенную последовательность приема учебных «блюд», причем прошлогодняя упаковка всегда устаревает уже для потребителя этого года. На этом строится рэкет учебного книгоиздания. Реформаторы от образования снова и снова обещают каждому новому поколению учащихся все самое новое и лучшее, а публика приучена школой хотеть именно то, что они предлагают. И тот, кто бросил школу и кому постоянно напоминают об упущенных возможностях, и ее выпускник, которого заставляют чувствовать себя ниже нового поколения учащихся, точно знают свое место в этом мошенническом ритуале и продолжают поддерживать общество, которое придумало для этой расширяющейся пропасти фрустрации эвфемизм «революция растущих запросов».

Однако развитие, понятое как бесконечное потребление — т.е. некулонный прогресс, — не может привести к зрелости. Приверженность общества бесконечному количественному росту не оставляет места естественному развитию.

Ритуальная игра и новая мировая религия

Возраст окончания школы в развитых нациях опережает рост продолжительности жизни. Эти две кривые через десять лет пересекутся и создадут проблему для Джессики Митфорд и профессионалов, обеспокоенных «конечным образованием». Это мне напоминает позднее средневековье, когда спрос на услуги церкви перерос продолжительность жизни, и было создано «Чистилище», чтобы очистить души под контролем римского папы прежде, чем они смогут войти в вечный мир. Логически это привело сначала к торговле индульгенциями, а затем к попытке Реформации. Миф бесконечного потребления теперь занимает место веры в вечную жизнь.

Арнольд Тойнби указал, что упадок великой культуры обычно сопровождается возвышением новой мировой церкви, которая продлевает надежду собственному пролетариату при обслуживании потребностей нового воинского класса. Школа, кажется, чрезвычайно подходит на роль мировой церкви нашей распадающейся культуры. Никакое учреждение не могло бы лучше скрывать от его участников глубокое несоответствие между социальными принципами и социальной действительностью в сегодняшнем мире. Светское, научное, отвергающее смерть — это учреждение в ладу с современным настроением. Его классическая критическая маскировка делает его плюралистическим, если не антирелигиозным. Его учебный план одновременно и определяет науку, и сам определен так называемым научным исследованием. Никто не заканчивает школу — никогда. Она никогда не закрывает свои двери перед человеком без того, чтобы предложить ему еще один шанс: повышение квалификации, образование взрослых, непрерывное образование.

Школа постоянно создает и поддерживает социальный миф ритуальной игры градуируемых продвижений по службе. Введение в этот ритуал азартной игры намного более важно, чем то, что или как преподается. Это и есть сама игра — школы, которые входят в кровь и становятся привычкой. Целое общество введено в миф бесконечного потребления услуг. Это происходит в такой степени, что символическое участие в открытом ритуале сделано обязательным и маниакальным повсюду. Школа превращает ритуальную конкуренцию в международную игру, которая обязывает конкурентов играть, навлекая всемирные беды на тех, кто не может или не хочет играть. Школа — ритуал инициирования, который вводит неопита в священную гонку бесконечного потребления; ритуал примирения, при котором академические священники будут посредниками между верующим и богами привилегии и власти; ритуал искупления, которое жертвует отсевшимися, клеймя их как недоразвитых козлов отпущения.

Даже те, кто провел в школе всего несколько лет — а это подавляющее большинство населения Латинской Америки, Азии и Африки — приучаются чувствовать себя виноватыми из-за недостаточного уровня потребления обучения. В Мексике шесть классов школы обязательны по закону. Среди детей, принадлежащих к наименее обеспеченной трети населения, только двое из трех поступают в первый класс, а из поступивших только 4% завершают обязательное шестилетнее обучение. Среди детей, принадлежащих к средней по уровню доходов трети населения, вероятность окончить обязательную школу составляет 12%. И при этом Мексика более успешно, чем большинство других латиноамериканских республик, справляется с обеспечением государственного образования.

Теперь все дети и повсюду знают, что им давался шанс в этой обязательной лотерее, пусть и не наравне с другими, но предполагаемое равенство международных стандартов теперь дополняет изначальную бедность тех, кто не смог окончить школу, дискриминацией по признаку образования, которую они как бы сами на себя навлекли и с которой теперь вынуждены мириться. Они были обучены вере в растущие ожидания и теперь умеют объяснить причину своих неудач за пределами школы ранним отлучением от схоластических милостей. Они отлучены от небес потому, что, однажды крестившись, не ходили в церковь. Рожденные в первородном грехе, они крестятся в первый класс, но идут в геенну (которая по-древнееврейски означает "трусоба") из-за личных ошибок. И вслед за Максом Вебером, который проследил социальные последствия веры в то, что спасены будут накопившие богатство, мы теперь видим, что благодать ожидает лишь тех, кто накапливает школьные годы.

Грядущее царство: универсализация ожиданий

Школа объединяет ожидания потребителя, выраженные в ее требованиях, с верованиями производителя, выраженными в ее ритуалах. Это — литургическое выражение всемирного «культа потребления», подобного тому, что охватил Меланезию в 40-х гг. — там люди верили, что если бы они надели черный галстук на голое тело, Иисус приплыл бы на пароходе и привез им по холодильник, паре брюк и швейной машине для каждого верующего.

Школа смешивает развитие в униженной зависимости от учителя с развитием в бесполезном смысле стремления к всемогуществу, что так типично для новообращенных, стремящихся поскорее выйти в мир и научить народы спасаться. Ритуал скроен по строгим ортодоксальным канонам, и его цель состоит в том, чтобы праздновать миф земного рая бесконечного потребления, который является единственной надеждой для несчастного и отверженного.

Эпидемии этих жадных мирских ожиданий происходили постоянно в истории, особенно среди колонизированных и маргинальных групп во всех культурах. Евреи в

Римской Империи имели ессеев и еврейских мессий, крестьяне в реформацию — Томаса Мюнцера, обездоленные индейцы от Парагвая до Дакоты — их заразительных танцоров. Эти секты всегда были ведомы пророками, и ограничивал их обещания выбор немногих. Школа ожидает царства скорее безличного, чем пророческого, и скорее универсального, чем местного. Человек стал сам делать своего собственного мессию, и он обещает неограниченную награду науки тем, кто подчинится прогрессивной разработке его господства.

Новое отчуждение

Школа — не только новая мировая религия. Это также всемирный быстро растущий рынок труда. Работа с потребителями стала основным сектором роста экономики. Поскольку в богатых нациях уменьшаются издержки производства, существует все растущая концентрация капитала и рабочей силы в этом обширном предприятии оснащения человека для дисциплинированного потребления. В течение прошлого десятилетия инвестиции капитала, непосредственно связанные с школьной системой, росли даже быстрее, чем расходы на оборону. Разоружение только ускорило бы процесс, при котором индустрия обучения перемещается в центр национальной экономики. Школа создает неограниченные возможности для узаконенной растраты, пока ее разрушительное действие не признано, и стоимость ее, соответственно, растет.

Если мы добавим, что учились, полностью выполняя план посещения школы, мы поймем, что эта суперструктура стала главным предпринимателем общества. В Соединенных Штатах 62 миллиона людей находятся в школе и восемьдесят миллионов работают в других местах. Это часто забывают неомарксистские аналитики, которые говорят, что процесс освобождения от школы должен быть отложен до исправления других недостатков, традиционно понимаемых как более фундаментальные, и проведен в ходе экономической и политической революции. Но запланированная революционная стратегия может быть реалистичной только в том случае, если мы поймем, что школа — это промышленность. Для Маркса стоимость создания спроса на предметы потребления была всего лишь существенна. Сегодня человеческий труд в наибольшей степени используется в производстве требований, которые могут быть удовлетворены промышленностью, и это интенсифицирует использование капитала. Эта работа в основном делается в школе.

Традиционно понимаемое отчуждение было прямым последствием становления наемного труда, который лишал человека возможностей для творчества и отдыха. Теперь молодые люди заранее отчуждаются школами, которые изолируют их от общества, претендуя быть одновременно и производителями, и потребителями собственного знания, которое и придумано как товар, выставленный в школе на рынок. Школа делает отчуждение подготовкой к жизни, и этим лишает образование действенности и творчества. Школа готовит к отчуждающей институализации жизни, преподавая потребность в преподавании. Как только этот урок усвоен, люди теряют стимул независимого роста; они больше не находят привлекательным поиск связей, они отгораживаются от неожиданностей, которые предлагает жизнь, если они не предопределены установленным предписанием. И школа прямо или косвенно предоставляет работу основной части населения. Школа держит людей в стороне от жизни, пока не удостоверится, что они впишутся в какое-нибудь учреждение.

Новая Мировая Религия — это индустрия знаний, являющаяся для человека одновременно и поставщиком опиума, и рабочим станком на протяжении все большей части жизни. Поэтому освобождение от школы стоит в центре любого движения за освобождение человека.

Революционный потенциал освобождения от обязательности школьного обучения

Конечно, школа — не единственное современное учреждение, имеющее главной целью формирование у человека определенного видения действительности. Скрытый учебный план семейной жизни, карьеры, охраны здоровья, так называемого профессионализма или средств массовой информации играет важную роль в институциональной манипуляции миром человека, вырабатывая у него то или иное видение мира, язык и требования. Но школа поработает более глубоко и более систематически, поскольку только школе предоставлено формировать основную функцию критического суждения, и, как это ни парадоксально, она пытается это делать, заставляя человека изучать себя, других и природу по правилам заранее распланированного и упакованного процесса. Школа влезает в нас так глубоко, что не оставляет никому надежды когда-нибудь, посредством какой-нибудь иной деятельности, от нее освободиться.

Многие самостийные революционеры — жертвы школы. Для них даже «освобождение» — продукт институционального процесса. Только освобождение самого себя от школы развеет эти иллюзии. Понимание того, что учение в большинстве случаев не требует никакого преподавания, нельзя ни организовать, ни запланировать. Каждый из нас лично ответствен за собственное освобождение от школы и только он может сделать это. Нет оправдания человеку, не сумевшему освободиться от школьного оболванивания. Люди не могли освободиться от вассальной зависимости до тех пор, пока по крайней мере некоторые из них не освободились от институционализированной церкви. Они не смогут освободиться от бесконечного потребления, пока не освободятся от обязательной школы.

Мы все связаны со школьным обучением — и с его производством, и с потреблением. Мы суеверно убеждены, что хорошее учение — это что-то такое, что можно сделать с нами, и что мы можем сделать это с другими. Попытка отойти от самой идеи обязательности школьного обучения встретит такое же сопротивление в нас самих, как если мы пробуем отказаться от эскалации потребления или распространенного заблуждения, что другими людьми можно манипулировать ради их собственного блага. Никто не свободен вполне от эксплуатации других или другими в процессе обучения.

Школа является и самым большим, и самым анонимным предпринимателем. Действительно, школа — наилучший пример предприятия нового типа, после гильдии, фабрики и корпорации. Деятельность международных корпораций, длительное время доминировавших в экономике, сегодня дополняют, а в один прекрасный день и заменят сверхнациональные планировочные службы. Эти предприятия представляют свои услуги таким способом, что люди чувствуют себя просто обязанными потратить их. Они интернационально стандартизированы, периодически пересматривают стоимость своих услуг и везде работают примерно в одном и том же ритме.

«Современные транспортные перевозки», использующие новенькие автомобили и сверхскоростные шоссе, служат той же самой институционально расфасованной потребности в комфорте, престиже, скорости и новейших побрякушках, и неважно кем все это произведено — государством или частными фирмами. Аппарат «медицинского обслуживания» определяет положенный индивиду тип здоровья, оплачиваемый либо государством, либо самим человеком. Поэтапное продвижение от диплома к диплому помещает учащегося на определенное место в одной и той же международной пирамиде квалифицированных трудовых ресурсов, независимо от того, какую именно школу он окончил.

Во всех этих случаях неявной выгодой является занятость: водитель частного автомобиля, пациент, подлежащий госпитализации, и ученик в школе теперь должны рассматриваться как члены нового класса «работников». Освободительное движение,

начинающееся в школе и основанное на понимании того, что учителя и ученики – одновременно эксплуататоры и эксплуатируемые, может стать предвестником революционных стратегий будущего, поскольку радикальная программа освобождения общества от обязательного школьного обучения воспитает молодежь в новом революционном духе, бросающем вызов социальной системе, предполагающей обязательные «здоровье», «богатство» и «безопасность».

Последствия восстания против школы трудно предсказать, но все-таки они не столь ужасны, как риск революции в любом другом из основных социальных институтов. Школа пока еще не умеет защищаться так эффективно, как национальное государство или даже крупная корпорация. Освобождение от всевластия школы могло бы пройти бескровно. Надзиратели и их союзники в судах и службе занятости способны принять очень жестокие меры против отдельного нарушителя, особенно если он беден, но могут оказаться бессильными против волны массового движения.

Школа стала социальной проблемой; ее атакуют со всех сторон, и граждане, и правительства поддерживают нетрадиционные эксперименты по всему миру. Они обращаются к необычным статистическим методам, чтобы поддержать веру и спасти лицо. Настроение среди педагогов очень похоже на настроение среди католических епископов после Ватиканского Собора. Учебные планы так называемых «свободных школ» напоминают свободный фольклор или рок-музыку. Требования учеников средней школы иметь право выбирать себе учителей звучат как требования прихожан, желающих выбирать своих пасторов. Но если значительное число людей потеряет веру в школьное обучение, ставки для общества будут гораздо выше. Это поставило бы под вопрос сохранение не только экономического порядка, основанного на совместном производстве товаров и спроса на них, но и политического порядка, основанного на идее национального государства, которому школа передает своих учеников.

Альтернативы достаточно ясны. Или мы продолжаем считать институционализированное учение продуктом, оправдывающим неограниченные вложения, или осознаем, что законодательство, планирование и инвестиции, если они вообще уместны в формальном образовании, должны использоваться главным образом для сокрушения барьеров, ныне препятствующих учению, которое может быть лишь свободной личной деятельностью каждого.

Если не бросить вызов представлению о том, что ценные знания – товар, который при определенных обстоятельствах можно насильно втиснуть в потребителя, власть зловещих псевдошкол и тоталитарных менеджеров информации над обществом будет становиться все сильнее и сильнее. Педагогические лекари, стремясь все лучше обучать своих учеников, будут наркотизировать их еще больше, да и сами ученики будут все чаще наркотизироваться по собственной воле, чтобы получить облегчение и от давления учителей, и от гонки за дипломами. Все большее число бюрократов будут изображать из себя учителей. Учительский язык уже освоен рекламными агентами. А теперь и генерал, и полицейский постараются выдать свои профессии за педагогические. В «вышколенном» обществе образовательное объяснение находят и развязывание войны, и гражданские репрессии. И тогда педагогическая война в стиле вьетнамской будет все более оправдана и выдана за единственный путь обучения людей нетленной ценности неуклонного прогресса.

Репрессии будут считаться миссионерским усилием ускорить пришествие механического мессии. Новые и новые страны обратятся к воспитательным пыткам, которые уже применяются в Бразилии и Греции. Эти воспитательные пытки служат не для того, чтобы получить информацию или удовлетворить психологические потребности садистов; их случайная направленность призвана разрушить единство населения и сделать его податливым материалом для учений, изобретенных технократами. Абсолютно деструктивное по своей природе, но непрерывно совершенствуемое обязательное

обучение обеспечит именно такую логику общественного развития, если мы не начнем прямо сейчас освобождаться от нашей педагогической спеси, от нашей веры, что человек способен на то, чего не может Бог, а именно манипулировать другими людьми ради их собственного спасения.

Многие только сейчас начинают понимать, какое разрушительное воздействие оказывает современное производство на окружающую среду, но не имеют власти изменить эти тенденции. Манипуляция людьми, начатая в школе, также достигла роковой черты, но большинство людей пока не осознает этого. Они все еще поддерживают реформу школы, так же как Генри Форд III предлагает менее ядовитые автомобили.

По мнению Дэниела Белла нашей эпохе свойственно глубочайшее расхождение между культурной и социальной структурами, причем первую характеризует апокалиптическое отношение к жизни, а вторую — технократическое принятие решений. Это безусловно справедливо и для большинства педагогических реформаторов, которые, проклиная почти все, чем жива современная школа, предлагают только новые школы.

В своей книге «Структура научных революций» Томас Кун показал, что подобное противоречие неизбежно приводит к возникновению новой познавательной парадигмы. Факты, сообщенные теми, кто наблюдал свободное падение, теми, кто возвратился с другой стороны земли, и теми, кто использовал новый телескоп, не соответствовали птолемеевскому мировоззрению. И довольно быстро установилась ньютоновская парадигма. Диссонанс, характерный сегодня для многих молодых, не столько когнитивного, сколько мировоззренческого свойства — это ощущение, каким *не может быть* приемлемое для них общество. Удивительно, однако, сколь многие все-таки способны еще это терпеть.

Эта способность преследовать ни с чем несообразные цели требует объяснения. Согласно Максу Глакману, всякое общество имеет свои приемы, позволяющие ему скрывать подобные диссонансы от своих членов. Он считает, что это и является целью любого ритуала. Ритуалы способны скрыть от их участников даже противоречия и конфликты между социальными принципами и социальной организацией. Пока человек не осознает ритуальный характер процесса, посредством которого он допущен к силам, формирующим его мировоззрение, он не сможет сбросить чары и сформировать новое понимание мира. Пока мы не осмыслим ритуал, посредством которого школа формирует прогрессирующего потребителя — главный ресурс экономики, — мы не сможем разрушить очарование этой экономики и сформировать новую.

4

Институциональный спектр

Наиболее утопические программы и футуристические сценарии вызывают ко все более новым и дорогостоящим технологиям, которые должно продавать и богатым, и бедным странам. Герман Кан нашел себе последователей в Венесуэле, Аргентине и Колумбии. Трубные мечты Серхио Бернардеса для его Бразилии 2000 года сверкают еще более современными машинами, чем те, которыми сейчас обладают Соединенные Штаты, но которые ко времени возведения будут так же отброшены в прошлое, как отработавшие ступени ракеты или аэропорты и города постройки 60-х и 70-х годов. Футуристы, вдохновленные Бакминстером Фуллером, мечтают об использовании более дешевых и,

одновременно, более экзотических устройств. Они рассчитывают на приход новых технологий, которые позволят строить больше с меньшими затратами — легкие монорельсовые дороги, а не сверхзвуковой транспорт, устремление ввысь, а не растягивание по горизонтали. Все сегодняшние футуристические планировщики стремятся сделать экономически выполнимым все, что сегодня технически возможно, но отказываются осознать неизбежные социальные последствия: всеобщее стремление к товарам и услугам, которые останутся привилегией немногих.

Полагаю, однако, что желательное будущее зависит от нашего осознанного выбора в пользу деятельной жизни, а не потребления, от выбора стиля жизни, который позволит нам быть непосредственными, независимыми, но все же связанными друг с другом, отбросить тот стиль, который только и позволяет нам делать и переделывать, производить и потреблять — стиль жизни, являющейся последней станцией на пути к полному истощению и окончательному загрязнению окружающей среды. Будущее в большей степени зависит от нашего выбора в пользу социальных институтов, поддерживающих деятельную жизнь, чем от разработки новых идеологий и технологий. Нам нужны: набор критериев, позволяющих выделить социальные институты, которые поддерживают личностный рост, а не конформизм и зависимость, и воля, чтобы вложить наши технологические ресурсы в рост именно таких институтов.

Выбор приходится делать между двумя противоположными типами социальных институтов, каждый из которых воплощен в совершенно конкретных современных примерах, но один из них так хорошо характеризует нашу эпоху, что почти определяет его. Этот доминирующий тип я предложил бы назвать манипулятивным социальным институтом. Другой тип тоже существует, но едва-едва. Институты этого типа скромнее и неприметнее, и все же я рискну предложить именно их в качестве образцов желательного будущего. Я называю их «дружественными» социальными институтами и помещаю в левую часть институционального спектра. Я намерен показать, что все существующие социальные институты располагаются между этими двумя полюсами, и проиллюстрирую, как исторически сложившиеся институты могут изменять свой «цвет», как они перемещаются от фасилитации деятельности к организации производства.

Вообще-то движение по спектру слева направо обычно используется для характеристики скорее людей и идеологий, чем социальных институтов и стилей их деятельности. Применительно к отдельным людям или группам, такая классификация, однако, чаще подогревает страсти, чем высвечивает суть дела. Предлагаемое использование привычной схемы необычным способом может вызвать серьезные возражения, но я надеюсь, что здесь этот прием окажется плодотворным. Мы увидим, что люди и организации, расположенные на спектре слева, не всегда характеризуются только их оппозицией манипулятивным социальным институтам, которые я располагаю на спектре справа.

Наиболее влиятельные современные институты сосредоточены в правой части спектра. Туда переместилось наблюдение за осуществлением законности, перейдя из рук местного шерифа к ФБР и Пентагону. Современное военное искусство стало высоко профессиональным предприятием, дело которого — убивать. Оно уже достигло той черты, за которой его эффективность измеряется числом жертв. Возможность государства сохранить мир зависит от его же способности убедить союзника и противника в своей неограниченной военно-убийственной мощи. Современные пули и химикаты настолько эффективны, что всего за несколько центов и при условии аккуратной доставки «клиенту» он непременно будет убит или травмирован. Однако стоимость доставки головокружительно растет: так, стоимость убийства одного вьетнамца с 360 тыс. долларов в 1967 г. дошла к 1969 г. до 450 тыс. Только стремясь к экономическому самоубийству, можно считать современную войну экономически эффективной. Все более очевидным становится и порождаемый войной эффект бумеранга: чем больше жертв несут

вьетнамцы, тем больше врагов приобретают Соединенные Штаты во всем мире; соответственно, тем больше средств приходится тратить Соединенным Штатам на создание другого манипулятивного института — цинично именуемого «миротворческим» — в тщетном стремлении нейтрализовать побочные эффекты войны.

На том же краю спектра мы находим и организации, специализирующиеся на манипулировании своими клиентами. Подобно военным, по мере эскалации своей деятельности они порождают эффекты, противоречащие их собственным целям. Эти социальные институты равно контрпродуктивны, хотя это не столь очевидно. Многие полагают, что терапевтическое и сострадательное выражение способно замаскировать этот парадоксальный эффект. Вот, например, тюрьмы — всего каких-нибудь двести лет назад они служили в основном для содержания людей до вынесения приговора, т.е. до наказания, казни или высылки, и иногда использовались как одна из форм наказания. И только недавно мы стали утверждать, что запирают людей в клетки — это полезно, это хорошо действует на их характер и поведение. Сейчас кое-кто начинает понимать, что тюрьма лишь увеличивает качество и количество преступников, что фактически она часто создает их из простых нонконформистов. Однако гораздо меньше людей понимает, что психиатрические больницы, частные санатории и сиротские приюты делают почти то же самое. Эти социальные институты создают у своих клиентов разрушительное представление о самих себе как о психотиках, дурачках или бродягах, и обеспечивают оправдание для целых профессий — так же, как тюрьмы обеспечивают доход своим начальникам. Попасть в институты, относящиеся к этому концу спектра, можно двумя способами, и оба они — принудительные: туда либо направляют, либо переводят.

К противоположному концу спектра относятся институты, отличающиеся от описанных выше спонтанной естественностью использования предлагаемых ими услуг — «дружественные» социальные институты. Телефонная связь, линии метро, почта, рынки и биржи не требуют рекламы, привлекающей клиентов. Канализационные системы, водоснабжение, парки и тротуары — людей не надо убеждать, что все это устроено им во благо. Конечно, всякий социальный институт требует некоторого регулирования. Но деятельность институтов, существующих просто для того, чтобы люди ими пользовались, требует совершенно иных правил, чем деятельность манипулятивных институтов. Главная цель правил, регулирующих работу созданных для людей социальных институтов — предотвращение событий, способных нарушить пользование ими. Тротуары должны быть свободны от посторонних предметов, индустриальное использование питьевой воды должно быть заключено в определенные рамки, игра в мяч должна быть ограничена определенными зонами в парке. Совсем недавно возникла нужда в законах, ограничивающих использование телефонных линий компьютерами, использование почтовых услуг рекламодателями и загрязнение канализации индустриальными отходами. Правила деятельности дружественных институтов устанавливает границы их использования; но по мере продвижения от дружественного к манипулятивному концу спектра они меняются и становятся все более направленными на потребление или участие вопреки желанию человека. Иная стоимость приобретения клиентов — лишь одна из характеристик, отличающих дружественные социальные институты от манипулятивных.

По обоим краям спектра мы обнаруживаем организации, оказывающие услуги, но услуга справа — это навязанная клиенту манипуляция, а сам клиент — жертва рекламы, агрессии, идеологической обработки, заключения или электрошока. Слева же услуга — это расширение возможностей человека в формально определенных пределах, а клиент при этом остается совершенно свободным. Институты правого крыла обычно связаны с очень сложными и дорогостоящими производственными процессами, при этом значительная часть усилий и средств тратится, чтобы убедить потребителя: ему просто не прожить без изделия или услуги, предлагаемой данным социальным институтом. Институты же левого

крыла – это сети, откликающиеся на интерес клиента к сотрудничеству и пользованию ими.

Манипулятивные институты создают социальную или психологическую «зависимость». Социальная зависимость ведет к эскалации – это тенденция предписывать еще больше лекарств, если малые дозы уже не дают желаемого результата. Психологическая зависимость возникает, когда потребитель попадает на крючок и приобретает привычку потреблять все больше данных товаров или процессов. Социальные институты, расположенные слева, склонны к самоограничению. В отличие от процессов, которые удовлетворяют человека самим актом потребления, эти институты – сети, служащие некоторой цели, не сводящейся к повторному использованию. Человек берет телефонную трубку, когда хочет что-нибудь кому-нибудь сказать, и, закончив разговор, кладет ее на место. Он не пользуется телефоном ради самого удовольствия поговорить, исключая разве что подростков. Если по телефону об этом говорить неудобно, человек напишет письмо или назначит встречу. А институты правой крыла, как мы ясно видим на примере школ, навязчиво предлагают снова и снова использовать их услуги и пресекают альтернативные пути достижения аналогичных результатов.

Далее слева на спектре располагаются предприятия, выполняющие конкурентоспособную работу в определенной области, но не слишком себя рекламирующие. Здесь мы находим ручные прачечные, маленькие пекарни, парикмахеров, и — если говорить о профессионалах с высшим образованием— некоторых юристов и преподавателей музыки. Весьма характерно для левой части спектра, что здесь располагаются самостоятельные работники, институализировавшие свои услуги, но не пользующиеся рекламой. Они приобретают клиентов благодаря личным контактам и высокому качеству своих услуг.

Гостиницы и кафе располагаются ближе к центру. Большие гостиничные системы, вроде Хилтона, тратят огромные средства на свой рекламный образ и вообще часто ведут себя как социальные институты правой части спектра. Но все же и Хилтон, и Шератон обычно не предлагают ничего кроме размещения — по близким ценам, но при независимом управлении. По существу, гостиница привлекает путешественника, как дорожный знак, говорящий: «Остановись, здесь есть для тебя кровать», а не «Вы должны предпочесть кровать нашей гостиницы скамье в парке!»

Производители основных продуктов питания и наиболее скоропортящихся товаров принадлежат к середине нашего спектра. Они удовлетворяют наши естественные потребности, а к стоимости производства и распределения добавляют, насколько позволит рынок, свои расходы на рекламу и упаковку. Чем более важным для жизни является продукт – будь то товар или услуга – тем больше конкуренция ограничивает его розничную цену.

Большинство изготовителей потребительских товаров продвинулось вправо намного дальше. И прямо, и косвенно они генерируют спрос на дополнительные аксессуары, значительно повышающие розничную цену относительно реальной себестоимости. «Дженерал Моторс» и Форд производят транспортные средства, но также, что более важно, они управляют общественным вкусом, и в результате потребность в транспорте выражается в спросе на частные автомобили, а не на общественные автобусы. Они продают желание управлять машиной, участвовать в гонках на высоких скоростях в комфорте и роскоши, обещая в конце дороги осуществление мечты. Они продают, однако, не только бессмысленно мощные двигатели, украшения и излишества дизайна, навязываемые производителям Ральфом Нейдером или борцами за чистоту воздуха. Розничная цена включает двигатели повышенной мощности, кондиционирование, привязные ремни и средства контроля выхлопа, но есть и другие затраты, не объявляемые водителю: рекламные и коммерческие расходы корпорации, топливо, обслуживание и

запасные части, страхование, кредит, а также менее осязаемые потери времени, нервов и воздуха, пригодного для дыхания, в наших городах с постоянными пробками на дорогах.

Особенно показательным заключением к нашему обсуждению социально полезных институтов может быть система «общественных» дорог. Этот главный элемент цены автомобилей заслуживает более пространного обсуждения, так как непосредственно ведет к самому что ни на есть правому институту, который интересует меня больше всего, а именно к школе.

Псевдо-необходимые обществу системы

Система скоростных дорог – это сеть для передвижения автотранспорта на относительно большие расстояния. В качестве сети она должна принадлежать левому краю институционального спектра. Здесь, однако, следует сделать замечание, проясняющее одновременно и природу скоростных дорог, и сущность истинно необходимых и полезных обществу систем. По своему происхождению универсальные дороги – это как раз подлинно необходимые обществу системы. Сверхскоростные шоссе – это частная собственность, которую частично оплачивает общество.

Телефон, почта и дороги – все это сети, и ни одна из них не бесплатна. Доступность телефонной сети ограничена повременной стоимостью каждого звонка. Эти цены относительно невелики, а могли бы быть и еще меньше без изменения природы системы. Пользование телефонной системой отнюдь не сводится к содержанию передаваемых сообщений, лучше всего ее используют люди, способные создавать последовательные высказывания на языке собеседника — способность, которой должен обладать всякий, кто хочет пользоваться услугами этой сети. Стоимость почтовой пересылки обычно тоже невелика. Доступность почтовой системы незначительно ограничена стоимостью ручки и бумаги и несколько больше – умением писать. Однако если человек не умеет писать, всегда найдется родственник или друг, которому можно продиктовать письмо – и почтовая система его обслужит, если он захочет отправить написанное.

Система скоростных шоссе, однако, не становится доступной всякому, кто просто научится управлять автомобилем. Телефонные и почтовые сети существуют, чтобы обслуживать всякого, кто захочет их использовать, а система скоростных шоссе служит главным образом частному автомобилю. Первые – истинные полезные обществу системы, вторая обслужит только владельцам автомобилей, грузовиков и автобусов. Полезные обществу системы существуют ради общения между людьми; скоростные шоссе, как и другие социальные институты правого края, существуют ради товара – автомобиля. Изготовители автомобилей, как мы уже видели, производят одновременно и сами машины, и спрос на них. Они же производят спрос на многополосные дороги, мосты и нефтяные промыслы. Частный автомобиль – это центр группы институтов правого крыла. Высокая стоимость каждого элемента диктуется стоимостью разработки основного изделия, и, продать основное изделие значит подцепить общество на крючок полного пакета.

Проектировать систему скоростных шоссе как подлинно полезную обществу означало бы ориентироваться прежде всего на тех, кому важно быстро перемещаться в определенных направлениях, а не на тех, для кого скорость и личный комфорт – главные ценности пользования транспортом. Именно этим обширная сеть с максимальным доступом для путешествующих отличается от сети, предоставляющей привилегированные условия проезда в районы ограниченного доступа.

Перенос современного социального института в развивающиеся страны – пробный камень его качества. В очень бедных странах дороги обычно пригодны только для проезда специальных, с высокой осью, грузовиков, груженых бакалеей, домашним скотом или людьми. Этим странам надо бы использовать свои ограниченные ресурсы для создания

паутины проселочных дорог, обеспечивающих доступ во все районы, и ограничить импорт двумя-тремя моделями надежных транспортных средств, способных на малой скорости одолеть любой проселок. Это упростило бы техническое обслуживание и снабжение запасными частями, позволило бы обеспечить круглосуточную работу транспорта, а также максимальную мобильность населения в соответствии с выбором места назначения. Одновременно это потребовало бы разработки универсальных транспортных средств – простых, как детский конструктор; долговечных, с использованием самых современных сплавов; со встроенным ограничителем скорости до 15 миль в час и достаточно мощных, чтобы передвигаться по самым сложным рельефам. Таких машин в настоящее время на рынке нет, потому что на них нет спроса. Такой спрос еще надо было бы вырастить, вероятно, под строгим контролем законодательства. А пока всякий раз, едва только наметится такой спрос, его быстро подавляют антирекламой, нацеленной на расширение продажи машин, позволяющих вытягивать у американских налогоплательщиков средства на строительство все новых сверхскоростных шоссе.

Теперь, чтобы «улучшить» качество перевозок, все страны — даже беднейшие — планируют строительство системы дорог, предназначенных для легковых автомобилей и высокоскоростных трейлеров, которые отвечают высокоскоростному мышлению меньшинства производителей и потребителей элитных машин. Такой подход часто объясняют необходимостью экономить самый драгоценный ресурс бедной страны – время (доктора, школьного инспектора, государственного чиновника и т.п.) Однако все эти люди обслуживают, безусловно, почти исключительно тех, кто уже имеет или надеется в один прекрасный день приобрести автомобиль. В результате местные налоги и скудная международная помощь расходуются впустую – на *псевдо-необходимые обществу системы*.

«Современные» технологии, передаваемые бедным странам, делятся на три большие категории: товары; предприятия, которые их производят, и обслуживающие институты — преимущественно школы, — превращающие население в современных производителей и потребителей. Большинство этих стран сейчас тратит самую большую часть своего бюджета на школы. Выученные школой, выпускники затем создают спрос на другие значительные системы, такие, как индустриальная мощь, асфальтированные дороги, современные больницы и аэропорты, что в свою очередь обеспечивает рынок для товаров, произведенных в богатых странах, а через какое-то время – и для устаревающего оборудования по производству этих товаров.

Из всех псевдо-необходимых обществу систем школа наиболее коварна. Система скоростных шоссе производит спрос только на автомобили. Школы постоянно воспроизводят спрос на полный набор современных социальных институтов, переполняющих правый край спектра. Если человек усомнится в необходимости скоростных шоссе, от него отмахнутся, назвав его романтиком; если же он подвергнет сомнению необходимость школы, на него немедленно набросятся и объявят либо бессердечным, либо империалистом.

Школа как псевдо-необходимая обществу система

Подобно скоростным шоссе, школа, на первый взгляд, представляет собой систему, равно открытую для всех желающих. Фактически же она открыта только для тех, кто регулярно возобновляет свой контракт с ней. Как скоростные шоссе создают впечатление, что нынешняя стоимость их обслуживания является абсолютно необходимой, если люди вообще хотят ездить, так и школы считаются необходимым условием достижения компетентности, требуемой обществом, основанным на современных технологиях. Мы только что рассмотрели автострады в качестве примера псевдо-необходимых обществу систем, отметив их зависимость от частных автомобилей. В основании школьной системы

лежит не менее ложная гипотеза о том, что учение является результатом преподавания по учебному плану.

Скоростные шоссе — результат извращения потребности в мобильности и стремления к ней, их превращения в спрос на частный автомобиль. Школа извращает естественную потребность расти и учиться, превращая ее в спрос на обучение. За на кем-то изготовленную зрелость — гораздо худший отказ от самостоятельности, чем спрос на готовые товары. Школы стоят не просто правее скоростных шоссе и автомобилей в институциональном спектре; они принадлежат к его самому правому концу, где находятся разве что богадельни. Даже производители трупов убивают только тела. Школа же, заставляя людей отказываться от ответственности за собственный личностный рост, ведет многих к своего рода духовному самоубийству.

Скоростные трассы хотя бы частично оплачены теми, кто ими пользуется, так как пошлины и налоги на бензин касаются только водителей. Школа же является вполне совершенной системой регрессивного налогообложения, в которой ее привилегированные выпускники сидят на шее у всего общества. Школа фактически ввела подушный налог на переход из класса в класс. Недостаточное пользование скоростным шоссе обходится человеку вовсе не так дорого, как недостаточное потребление обучения. Человек, не имеющий автомобиля в Лос-Анджелесе, почти лишен возможности передвигаться, но если он все-таки может как-то добраться до места работы, то сможет и получить работу, и сохранить ее. У исключенного из школы нет никакого другого пути. Житель богатого пригорода, разъезжающий в новеньком «Линкольне», и его сельский родственник на разбитом старом драндулете имеют, по существу одинаковый доступ к скоростным трассам, несмотря на то, что один автомобиль стоит раз в тридцать больше, чем другой. Стоимость обучения человека — функция числа лет, проведенных им в школе, и дороговизны школы, которую он посещал. А главное, закон никого не заставляет выезжать на шоссе, но каждого обязывает идти в школу.

Анализ социальных институтов согласно их нынешнему положению в лево-правом континууме позволяет мне утверждать, что фундаментальные социальные изменения должны начаться с пересмотра наших представлений о социальных институтах, и объяснить, почему, говоря о жизнеспособном будущем, приходится говорить об омоложении институционального стиля.

К 60-м гг. социальные институты, возникшие во времена Французской Революции или чуть позже, одновременно состарились; государственные школьные системы, основанные во времена Джефферсона или Ататюрка, а вместе с ними и появившиеся после Второй мировой войны, стали бюрократическими, самодостаточными и манипулятивными. То же произошло и с системами социального обеспечения, с профсоюзами, с главными церквями и дипломатией, системой ухода за стариками и системой погребения усопших.

Сегодня, например, школьные системы Колумбии, Англии, СССР и США похожи друг на друга больше, чем американские школы конца 90-х гг. 19 в. похожи на сегодняшние или на современные им русские школы. Сегодня школьное образование повсюду обязательно, неконечно и соревновательно. Те же тенденции в институциональном стиле действуют и в здравоохранении, торговле, управлении кадрами и политической жизни. Все эти системы скапливаются на манипулятивном конце спектра.

Из этой конвергенции социальных институтов проистекает слияние мировой бюрократии. Стиль, системы ранжирования и атрибуты (от учебника до компьютера) стандартизированы проектирующими организациями от Коста-Рики до Афганистана по образцу Западной Европы.

И кажется, что всюду эту бюрократию интересует только одно: содействие росту социальных институтов правого конца спектра. Она занята изготовлением вещей и ритуальных правил, а также изготовлением — и переделкой — «руководящих истин»:

идеологии или мифов, устанавливающих текущую стоимость ее продукции. Развитие технологий дает этой бюрократии все усиливающуюся власть на правом крыле общества. Левое же крыло общества, похоже, слабеет, и вовсе не потому, что новые технологии не способствуют расширению диапазона человеческой активности и увеличению времени для игры воображения и личного творчества, но потому, что такое применение технологии не содействует усилению власти элиты, в руках которой она находится. Начальник почтового отделения не имеет никакого контроля над индивидуальным использованием почты, оператор пульта управления или рядовой сотрудник Белл Телефон не может предотвратить прелюбодеяние, убийство или подрывную деятельность, планируемые по его сети.

Вся человеческая жизнь по сути оказалась в зависимости от выбора между правым и левым концами институционального спектра. Человек должен решить, в чем его богатство: в вещах или в свободе пользоваться ими. Он должен выбрать один из двух взаимоисключающих стилей жизни и связанных с ними производственных схем.

Уже Аристотель знал, что «поступки и творчество» различны, настолько различны, что одно никогда не включает другое. «Ни поступок не есть творчество, ни творчество – поступок. Поскольку, скажем, зодчество [*techne*] – некое искусство, а значит и разновидность соответствующего причастного суждению склада души, предполагающая творчество. Творчество всегда имеет другую цель, нежели себя самое, поступок – нет; цель поступка – его совершение. Совершенствование в творчестве – искусство, совершенствование в поступке – добродетель».¹⁰ Слово, которое Аристотель использует для творчества – «*poesis*», а слово для поступка – «*praxis*». Движение вправо означает, что данный институт перестраивается, усиливая свою способность «творить», а влево – что его перестройка направлена на рост «поступков» или «*praxis*». Современные технологии позволяют человеку передать создание вещей машинам, и у него стало больше времени для поступков. Обеспечение основных потребностей жизни перестало занимать все время человека. Безработица – результат этой модернизации: это – безделье человека, которому нечего «творить» и который не знает, что делать — то есть как «действовать». Безработица – печальное безделье человека, который, вопреки Аристотелю, полагает, что производство вещей – работа – это добродетель, а безделье – зло. Безработица – это новый опыт для человека, воспитанного в протестантской этике. Досуг, согласно Веберу, необходим человеку, чтобы быть способным работать. По Аристотелю же, работа необходима человеку, чтобы иметь досуг.

Технология дает человеку свободу распоряжаться временем, заполняя его созиданием или поступками. Выбор между печальной безработицей и радостным досугом сейчас открыт для культуры в целом. Он зависит от институционального стиля, который выберет культура. Этот выбор был бы немыслим в древних культурах, построенных на крестьянском сельском хозяйстве или рабстве. Он стал неизбежным для постиндустриального человека.

Один из способов заполнить появившееся время состоит в стимулировании все растущего спроса на потребление товаров и, соответственно, на производство услуг. Первому служит экономика, обеспечивающая постоянное расширение перечня вещей, которые могут быть изготовлены, использованы, выброшены и переработаны. Второе означает тщетную попытку сделать добродетельные поступки результатом услуг, предоставляемых социальными институтами, и ведет к отождествлению обучения и образования, медицинского обслуживания и здоровья, просмотра телевизионных программ и развлечения, скорости и эффективных перевозок. И именно этот выбор в пользу обслуживания ныне называется развитием.

¹⁰ Аристотель, Никомахова этика, 1140.

Совершенно иной способ заполнения времени возникает при выборе в пользу ограниченного ассортимента товаров более длительного пользования и доступности социальных институтов, стимулирующих взаимодействия людей и расширяющих его возможности.

Экономика товаров длительного пользования прямо противоположна экономике, ориентированной на запланированное устаревание ее продукции. Экономика товаров длительного пользования предполагает ограничение номенклатуры товаров. Изделия должны быть рассчитаны на самое разнообразное обращение с ними: самостоятельную сборку, вторичное использование, ремонт и т.п.

Используемые долго, поддающиеся ремонту и разнообразному применению, такие товары не увеличивают потребность в институционально произведенных услугах, а раздвигают институциональные рамки, постоянно призывая к действию, участию и работе над собой. Движение нашего общества от его нынешнего состояния, при котором все институты тяготеют к постиндустриальной бюрократии, к будущему постиндустриальному содружеству, где интенсивность действия преобладала бы над производством, должно начаться с обновления стиля деятельности социальных институтов и, прежде всего, с обновления образования. Желательное и возможное будущее зависит от нашей готовности использовать современные технологии для роста дружественных человеку институтов. Применительно к образованию это, в частности, означает, что необходимо коренным образом изменить направление исследований в этой области.

5

Иррациональная логика¹¹

Думаю, что современный кризис образования требует рассмотрения самой идеи обязательного учения, а не методов, используемых для ее принудительного осуществления. Процент отсева — особенно среди учеников неполной средней школы и учителей начальных классов — говорит о необходимости коренного пересмотра этой идеи. Считающий себя вполне либеральным учитель-практик сегодня подвергается нападкам со всех сторон. Движение свободных школ, путающее дисциплину с идеологической обработкой, клеймит его как сторонника жесткой руки. Образовательный технолог постоянно указывает на его некомпетентность в измерении и изменении поведения учащихся. А школьная администрация, беря его на работу, заставляет его молиться и Саммерхиллу, и Скиннеру, тем самым наглядно показывая, что обязательное учение не совместимо с либерализмом. Поэтому неудивительно, что число учителей, оставляющих школу, соизмеримо с числом бросающих учение школьников.

Приверженность Америки обязательному обучению молодежи столь же бесплодна, как и лицемерное стремление к принудительной демократизации Вьетнама. Очевидно, что обычные школы не смогут это обеспечить. Движение за свободную школу привлекает к себе педагогов-нонконформистов, но в конечном счете и оно поддерживает конвенциональную идеологию именно школьного обучения. И обещания образовательных технологгов, что их исследования и разработки — если только будут адекватно профинансированы — позволят окончательно решить проблему сопротивления детей принудительному обучению, звучат так же самонадеянно и оказываются такими же пустыми, как аналогичные заявления военных технологгов.

¹¹ Эта глава была представлена первоначально на встрече Американской Ассоциации образовательных исследований в Нью-Йорке 6 февраля 1971 г.

На первый взгляд кажется, что критика американской школьной системы со стороны бихевиористов в корне противоположна той, что раздается в стане нового поколения радикальных педагогов. Бихевиористы ведут исследования, направленные на «обеспечение целостного преподавания посредством индивидуализированных учебных комплексов». Их предложениям противостоит идея недирективного вовлечения юношества в либеральные сообщества, устраиваемые под наблюдением взрослых. Однако в исторической перспективе оба эти подхода представляют собой лишь современное проявление кажущихся противоположными, но фактически дополняющих друг друга целей государственной школьной системы. С начала этого века школы были, с одной стороны, сторонниками социального контроля, а с другой – свободного сотрудничества, но и то, и другое должно было служить «хорошему обществу», понятому как высокоорганизованная и четко работающая корпоративная структура. Интенсивная урбанизация превратила детей в естественный ресурс, предоставляемый школой индустриальному производству. И в развитии американской школьной системы сошлись прогрессивная политика и культ эффективности.¹² Важнейшие результаты этого пересечения – руководство выбором профессии и выделение неполной средней школы (6-8-е классы – прим. перев).

Так и получилось, что стремление осуществлять определенные поведенческие изменения, измеримые и рассчитываемые на компьютере, – это только одна сторона медали, а другая ее сторона – умиротворение новых поколений внутри искусственно сконструированных обособленных групп, в которых их совращают мечтой о мире взрослых. Эти умиротворенные хорошо описаны Дьюи, который хотел «сделать каждую нашу школу зародышем общественной жизни, активных занятий, отражающих жизнь большого общества и *пронизывающих* его духом искусства, истории и науки». В этой исторической перспективе было бы тяжелой ошибкой интерпретировать текущие трехсторонние разногласия между школьными властями, образовательными технологами и свободными школами как прелюдию к революции в образовании. Эти разногласия – лишь определенный этап в истории попыток воплотить в жизнь старую мечту и окончательно превратить всякое значимое учение в результат профессионального преподавания. Все предлагаемые ныне образовательные альтернативы ведут к целям, имманентно присущим воспроизводству покладистого человека, чьи индивидуальные потребности удовлетворяются согласно его конкретному месту в американском обществе, т.е. ведут к усовершенствованию того, что, за неимением лучшего термина, я называю «зашколенным» обществом. Даже самая радикальная на вид критика школы не способна отказаться от идеи, что молодежь (особенно бедную) надо не кнудом, так пряником, но заставить вступить в общество, равно нуждающееся в дисциплинированных производителях и потребителях и их полной преданности идеологии, ставящей во главу угла экономический рост.

Эти разногласия только вуалируют внутреннюю противоречивость самой идеи школьного обучения. И сложившиеся учительские союзы, и технологические чудотворцы, и движение за свободное образование лишь укрепляют приверженность всего общества фундаментальной аксиоме вышколенного мира – аналогично тому, как разнообразные движения за или против чего-нибудь укрепляют стремление своих членов, будь то чернокожие, женщины, молодежь или бедяки – добиваться справедливости посредством наращивания валового национального продукта.

Нетрудно назвать проблемы, которые при этом не поднимаются. Во-первых, это разделяемое многими убеждение, что поведение, приобретаемое под надзором педагога,

¹² См. Joel Spring, *Education and the Rise of the Corporate State*, Cuaderno No. 50, Centre Intercultural de Documentation, Cuernavaca, Mexico, 1971.

обладает особой ценностью для учеников и полезностью для общества. Это убеждение тесно связано с идеей о том, что *человек социальный* рождается только к подростковому возрасту и рождается правильно лишь в том случае, если созревает в матке-школе, которую одни хотят смягчить снисходительностью, другие – наполнить техническими новинками, а третьи – украсить либеральной традицией. И, наконец, молодежь принято считать романтической и политически консервативной. Согласно этому взгляду, изменения в обществе следует осуществлять, возложив ответственность за их проведение на молодежь, которая, однако, возьмется за его преобразование лишь после того, как ее выпустят из школы. Обществу, построенному на таких основаниях, легко воображать себя ответственным за воспитание нового поколения, а это неизбежно означает, что одни люди вправе ставить, уточнять и оценивать личные цели других людей. В «Отрывке из воображаемой китайской энциклопедии» Хорхе Луис Борхес пытается вообразить, как могла бы выглядеть такая головокружительная попытка. Он рассказывает нам, что животные подразделяются на следующие классы: «(а) принадлежащие императору, (б) набальзамированные, (в) прирученные, (г) молочные поросята, (д) сирены, (е) сказочные, (ж) бродячие собаки, (з) включенные в настоящую классификацию, (и) бегающие, как сумасшедшие, (к) неисчислимы, (л) нарисованные тончайшей кисточкой из верблюжьей шерсти, (м) прочие, (н) разбившие цветочную вазу, (о) издали напоминающие мух.» Подобные классификации не появляются, если только не могут послужить чьим-то целям: в этом случае, мне кажется, этот кто-то был сборщиком налогов. Для него, по крайней мере, эта классификация животных могла иметь смысл, так же как имеют смысл для ученых педагогов таксономии образовательных целей.

Любого крестьянина бросило бы в дрожь, если бы человек с такой непостижимой логикой получил доступ к его скоту. Вот и ученики впадают в паранойю, если пытаются всерьез отнестись к выбору учебного плана. Только им гораздо страшнее, чем вымышленному китайскому крестьянину, ведь этими непостижимыми знаками клеймятся их жизненные планы, а не скот.

Пассаж Борхеса восхитителен, потому что вызывает в воображении *иррациональную логику*, создаваемую бюрократиями Кафки и Кестлера – ужасную, мрачную, но поразительно похожую на повседневную жизнь. Иррациональная логика гипнотизирует соучастников взаимной и дисциплинированной эксплуатации. Это логика бюрократического поведения. И она становится логикой общества, возлагающего на руководителей своих образовательных институтов ответственность за обеспечение изменений в поведении их клиентов. А учащиеся, способные увлечься образовательными программами, которые навязывают им учителя, напоминают китайских крестьян, способных втиснуть свои стада в налоговые ведомости, придуманные Борхесом.

В какой-то момент жизни последних двух поколений в американской культуре укоренился психоанализ, и в учителях теперь тоже видят своеобразных терапевтов, в чьих услугах нуждаются все люди, если хотят наслаждаться равенством и свободой, которые, согласно конституции, принадлежат им по праву рождения. В качестве следующего шага педагоги–врачи предлагают теперь пожизненное образовательное обслуживание. *Стиль* этого обслуживания и является предметом обсуждения: следует ли придать ему форму обязательных уроков для взрослых? Или форму электронного наркотика? Периодических сессий? Педагоги уже готовы раздвинуть стены классов и сделать всю культуру одной большой школой.

Американские разногласия вокруг будущего образования, если не обращать внимания на риторику и шум, более консервативны, чем обсуждения в других областях публичной политики. Что касается иностранных дел, то организованное меньшинство постоянно напоминает нам, что Соединенные Штаты должны отказаться от своей роли мирового жандарма. Радикально настроенные экономисты, а теперь и их менее радикально настроенные учителя вопрошают, по-прежнему ли рост валового

национального продукта является желаемой целью. Существуют лобби против чрезмерного лечения в медицине и в пользу мобильности, а не скорости на транспорте. И только в образовании голоса, требующие радикального отказа от обязательного школьного обучения, звучат слабо и разрозненно. Чувствуется явный недостаток убедительных аргументов и зрелого лидерства, направленных на уничтожение любых социальных институтов, служащих цели принудительного учения. До сих пор требование решительного отказа от обязательного школьного обучения не стало знаменем движения. Это тем более удивительно, что, пусть и хаотическое, но все же сопротивление определенной части 12-17-летних всем формам институционально оформленного обучения постоянно растет.

Образовательные инноваторы все еще считают, что образовательные институты действуют как воронка для разрабатываемых ими комплектов. Для меня здесь неважно, что именно служит такой воронкой: школьный класс, телевизор или «освобожденная зона». Равно неважно, что за комплекты создаются – обильные или скудные, горячие или холодные, жесткие и измеримые (как программа по математике для 3-го класса) или не поддающиеся оценке (например, по развитию чувствительности). Важно, что образование по-прежнему считается результатом институционального процесса, управляемого педагогами. И пока эти отношения между участниками образовательного процесса остаются отношениями поставщика и потребителя, образовательные исследования будут ходить по замкнутому кругу. Будут множиться научные данные в поддержку необходимости еще большего числа образовательных пакетов и более прицельной доставки их отдельному потребителю – определенного рода социальная наука может обосновать то же самое и для военных.

Для образовательной революции необходимы два рода изменений: нужны новые ориентиры для исследований и новое понимание образовательного стиля возникающей контркультуры.

Нынешние исследования пытаются оптимизировать эффективность унаследованных рамок – рамок, никогда не подвергавшихся сомнению. Образно-логическая структура этих рамок – воронка для образовательных программ. Альтернативой этому видению является образовательная сеть или паутина, связывающая автономные группы ресурсов, доступные каждому учащемуся. Такая альтернативная структура образовательного института сейчас лежит вне поля зрения наших исследователей. Перенос фокуса исследований на такие структуры приведет к подлинной научной революции.

Это «слепое пятно» в области образовательных исследований отражает культурное предубеждение общества, путающего технологический рост с технократическим контролем. Для технократа ценность окружающей среды тем больше, чем больше контактов между каждым человеком и его средой можно запрограммировать. В таком мире запланированный им выбор совпадает с выбором, возможным для так называемого бенефициара. Свобода сводится к выбору того или иного пакета заранее упакованных товаров.

Возникающая сейчас контркультура вновь подтверждает ценность семантического содержания в противовес росту эффективности и более жесткому синтаксису. Она ценит богатство коннотаций выше силы логики. Она ценит непредсказуемые результаты самостоятельно выбранной личной встречи выше сертифицированного качества профессионального преподавания. Эта переориентация на человеческое удивление вместо институционально спроектированных ценностей будет выглядеть подрывом основ сложившегося порядка, пока мы не отделим все возрастающие возможности современных технологических средств в облегчении встречи людей друг с другом от все усиливающегося контроля технократов за тем, что происходит, когда люди действительно встречаются.

Существующие образовательные институты служат целям учителей. Нам нужно создать такие структуры, которые позволят каждому человеку самому определять цели своего учения и свой вклад в учение других.

6

Учебная паутина

В предыдущей главе я обсуждал, почему все недовольны школой. Это недовольство, в частности, нашло свое выражение в недавнем докладе комиссии Карнеги: в школе зарегистрированные ученики подчиняются сертифицированным учителям, для того чтобы получить потом свои собственные сертификаты, но и те, и другие разочарованы, и те, и другие винят в своей взаимной неудовлетворенности недостаток ресурсов – денег, времени, помещений.

Эта критика школьного обучения заставляет многих задуматься над вопросом о возможности иных способов учения. Парадоксально, но те же самые люди, когда их просят уточнить, каким именно образом они сами приобрели знания и ценности, с готовностью признают, что это происходило скорее вне школы, чем благодаря ей. Знание фактов, понимание жизни и работы пришло к ним благодаря дружбе и любви, телевидению или чтению, благодаря примеру сверстников или случайной встрече. Они учились жизни через ритуалы посвящения – в уличную банду или в работу (будь то больница, редакция местной газеты, скобяная лавка или страховое агентство). Так что альтернатива зависимости от школы – это не использование общественных ресурсов для создания неких новых приспособлений, которые все-таки «заставят» людей учиться, а создание нового стиля образовательных взаимоотношений между человеком и окружающей его средой. Чтобы способствовать становлению этого стиля, надо одновременно изменить и отношение к росту и способам учения, и качество и структуру повседневной жизни.

Отношение людей к школе уже меняется. Исчезла самодовольная зависимость от школы. Растет сопротивление потребителей индустрии знаний. Многие учителя и ученики, налогоплательщики и работодатели, экономисты и полицейские предпочитают не зависеть больше от школы. Их недовольство не приводит к созданию новых образовательных институтов только потому, что им не хватает воображения, нужных слов и осмысленного интереса к себе. Они не могут себе представить ни общество, освобожденное от обязательного школьного обучения, ни образовательные институты в обществе, свободном от принудительного хождения в школы.

В этой главе я намерен показать, что можно учиться и без школы: что можно положиться на собственную мотивацию к учению вместо того, чтобы нанимать учителей, которые подкупом или принуждением, но заставят ученика найти время и желание учиться; что можно по-новому связать учеников с миром и перестать кормить их через воронку образовательных программ в руках учителя. Здесь мы обсудим некоторые общие черты, отличающие школьное обучение от подлинного учения, и наметим четыре главных типа образовательных институтов, способные привлечь и отдельных лиц, и многие уже существующие заинтересованные группы.

Возражение: кому нужны мосты в неизвестность?

Мы привыкли считать школы фактором, зависящим от политической и экономической структуры общества. Мы полагаем, что если бы удалось изменить стиль

политического руководства, или способствовать развитию интересов того или другого класса, или поменять форму собственности на средства производства, то изменится и школьная система. Предлагаемые мной образовательные институты будут служить обществу, которое еще не существует, хотя нынешнее разочарование в школах само по себе обладает достаточным потенциалом, чтобы привести к переменам в социальном устройстве. И обычное возражение звучит так: зачем направлять энергию на строительство мостов в неизвестность вместо того, чтобы изменить сначала не школы, а политическую и экономическую систему?

Это возражение, однако, недооценивает фундаментальную политическую и экономическую природу самой школьной системы, а также политический потенциал, связанный с любыми выпадами против нее.

Школы по сути дела уже перестали зависеть от идеологии, исповедуемой любым правительством или рыночной организацией. Другие социальные институты в разных странах могут быть различны: семья, партия, церковь или пресса. Но школьная система везде имеет одну и ту же структуру, везде скрытый учебный план воздействует одинаково. Независимо ни от чего, он формирует потребителя, который ценит институционализированное обслуживание выше непрофессиональной помощи соседа.

Повсюду скрытый учебный план обязательного школьного обучения навязывает гражданам миф о том, что бюрократия, руководствующаяся научными знаниями, эффективна и действует во имя всеобщего блага. Везде один и тот же учебный план внушает ученикам, что рост производства приведет к лучшей жизни. И повсеместно это формирует привычку к само-разрушительному потреблению услуг и отчуждению производства, терпимость к зависимости от социальных институтов и готовность подчиняться институциональному ранжированию. Скрытый учебный план школ делает все это, независимо от желаний и намерений учительства и принятой в стране идеологии.

Иначе говоря, школы по сути своей одинаковы во всех странах – фашистских, демократических и социалистических, больших и малых, богатых и бедных. Эта повсеместная идентичность школьной системы заставляет признать абсолютную всемирную идентичность мифа, способа производства и методов социального контроля, несмотря на большое разнообразие конкретных мифологий, в которых этот миф находит свое выражение.

Перед лицом этой идентичности было бы иллюзией утверждать, что школы сколько-нибудь серьезно от чего-то зависят. А это означает: рассчитывать на фундаментальные изменения в школьной системе в результате социальных и экономических изменений – тоже иллюзия. Более того, эта иллюзия дарует школе – репродуктивному органу потребительского общества – почти безусловную неприкосновенность.

С этой точки зрения важен пример Китая. В течение трех тысячелетий Китай защищал интересы учения путем абсолютного отделения процесса учения от привилегий, предоставляемых государственными экзаменами. Чтобы стать мировой державой и современным государством, Китаю пришлось принять международный тип школьного обучения. Только задним числом нам дано будет узнать, превратится ли Великая Культурная Революция в первую успешную попытку освобождения социальных институтов общества от обязательного школьного образования.

Создание даже небольшого числа новых, качественно иных, чем школы, образовательных институтов, было бы ударом по наиболее чувствительным связям этого всепроникающего явления, которое организуется государством во всех странах. Политическая программа, не признающая явно необходимости освобождения общества от обязательного школьного обучения, не является революционной: она демагогически требует еще больше того же самого. Любую большую политическую программу 70-х гг. следует оценивать этой мерой: насколько ясно заявляется в ней необходимость

освобождения общества от обязательного школьного обучения и насколько четко заданы в ней ориентиры для оценки качества образования в обществе, к которому устремлена эта программа.

Борьба против всевластия мирового рынка и сильных политиков может выходить за пределы возможностей бедных сообществ или стран, но эта слабость только лишний раз подчеркивает важность освобождения каждого общества посредством качественного изменения его образовательной структуры – изменение, которое может себе позволить любое общество.

Общие характеристики новых образовательных институтов.

Хорошая образовательная система должна иметь три цели: она должна давать всем, кто хочет учиться, доступ к имеющимся ресурсам в любое время их жизни независимо от возраста; помогать всем желающим поделиться своими знаниями с теми, кто хочет научиться этому от них; и, наконец, предоставлять каждому желающему возможность поставить на обсуждение волнующие его проблемы. Такая система потребует применения к образованию конституционных гарантий – учащихся нельзя будет принудить следовать обязательному учебному плану или дискриминировать на основании того, что они не обладают сертификатами и дипломами. Нельзя будет и граждан принудить посредством регрессивного налогообложения содержать ни огромный профессиональный штат педагогов, ни здания, фактически ограничивающие возможности учения теми услугами, которые профессионалы пожелают предложить рынку. Система должна использовать современные технологии, чтобы свобода слова, свобода собраний и свобода печати стали действительно общим, а, следовательно, и вполне образовательным достоянием.

Школы устроены так, как будто в жизни во всем есть какой-то секрет; что от знания этого секрета зависит качество жизни; что секреты эти можно узнавать только в определенной последовательности; что только учитель может раскрыть эти секреты. Человек с зашколенным умом постигает мир как пирамиду секретных посланий, доступных только тем, у кого есть соответствующий документ. Новые образовательные институты обрушивают эту пирамиду. Они ставят своей целью облегчить ученику доступ ко всем тайнам мира, позволить ему хотя бы заглянуть в окна центра управления или парламента, если уж он не может войти туда через дверь. Более того, такие новые социальные институты должны быть каналами, обеспечивающими учащемуся доступ – без всяких пропусков и удостоверений – в то общественное пространство, где он может общаться со сверстниками и старшими, находящимися за пределами его непосредственного горизонта.

Думаю, что существует не более четырех – или, даже трех – различных «каналов» учения или учебных взаимодействий, которые содержат все необходимые для реального учения ресурсы. Ребенок растет в мире вещей, окруженный людьми, которые служат ему моделями навыков и ценностей. Он находит сверстников, которые побуждают его спорить, состязаться, сотрудничать и понимать; и если ребенку повезет, он столкнется с критикой со стороны опытных старших, действительно заинтересованных в его продвижении. Предметы, модели, сверстники и старшие – это четыре ресурса, каждый из которых требует особой организации для обеспечения свободного доступа к ним для каждого человека.

Я буду пользоваться выражением «паутина возможностей» вместо слова «сеть», обозначающего конкретный путь получения доступа к каждому из четырех наборов ресурсов. Слово «сеть» часто, к сожалению, используется для обозначения каналов, выделенных кем-то для пропаганды, обучения или развлечений. Но это же слово можно употребить для наименования телефонной и почтовой службы, которые в первую очередь доступны людям, желающим послать сообщение друг другу. Хотелось бы, конечно, иметь

другое слово для обозначения такой сетчатой структуры взаимодействий, слово, менее дезориентирующее, менее скомпрометированное обыденным употреблением и более ясно указывающее на то, что любая организация такого типа имеет правовые, организационные и технические аспекты. Не найдя такого термина, я попытаюсь вернуть первородный смысл уже принятому термину и использовать его как синоним термина «образовательная сеть».

Людям необходима новая сеть, доступная для широкой публики и дающая широкие и равные возможности для учения и преподавания.

Приведу пример: один и тот же уровень технологии используется на телевидении и при магнитофонной записи. Сейчас все латиноамериканские страны ввели телевидение: в Боливии правительство шесть лет назад профинансировало строительство телевизионных станций при наличии не более семи тысяч телевизионных приемников на четыре миллиона граждан. На деньги, вложенные к нынешнему времени в обеспечение телевещания в Латинской Америке, можно было бы обеспечить каждого пятого взрослого магнитофоном. Этих денег хватило бы, чтобы иметь практически неограниченную фонотеку, даже в отдаленных деревнях, а также достаточный запас чистых кассет.

Эта магнитофонная сеть, конечно, радикально отличалась бы от нынешней телевизионной сети. Она давала бы возможность свободного самовыражения: грамотные и неграмотные сочинения могли бы одинаково свободно записываться, сохраняться и распространяться, представляя мнения участников. Вместо этого продолжают инвестиции в телевидение, разносящие по континенту институциональные программы бюрократов, политиканов и педагогов, которые они – или их спонсоры – считают хорошими и востребуемыми народом.

Технология сама по себе может поддерживать как независимость и учение, так и бюрократию и преподавание.

Четыре сети

Планирование новых образовательных институтов должно начинаться не с изучения административных целей директора или президента, не с анализа целей научения, как их формулируют профессиональные педагоги, и не с вопроса об учебных целях некоего гипотетического класса людей. Не должно оно начинаться и с вопроса о том: «чему нужно учить?», а только с такого вопроса «Какие вещи и какие люди должны окружать ученика, для того чтобы учение происходило?»

Каждый желающий учиться знает, что ему нужна информация и критический отклик на нее от кого-то, кто тоже ею владеет. Информация может быть получена от предметов и от людей. В хорошей образовательной системе доступ к предметам можно получить по личной заявке ученика, а доступ к тем, кто владеет информацией, требует и их личного согласия. Критика также может поступать по двум каналам: от ровесников и от старших, то есть от разделяющих мой интерес или от тех, кто готов поделиться со мной своим опытом, превосходящим мой. Сверстники могут быть коллегами по учению, перед которыми встал тот же самый вопрос, компаньонами по увлекательному (или трудному) чтению или товарищами по прогулкам и играм. Старшие могут посоветовать, чему надо научиться, какой метод использовать, какую компанию в данный момент искать. Они могут помочь поставить правильный вопрос или придти на помощь, если не находится ответ. Эти ресурсы, как правило, в изобилии. Но они не являются общепринятыми образовательными ресурсами, и доступ к ним для учебных целей не так уж легок, особенно для бедных. Нужно понять, что новые образовательные структуры разрабатываются так, чтобы облегчить доступ к этим ресурсам тех, кто их сознательно

ищет для своего образования. Чтобы создать такую паутиноподобную структуру, необходимы административные, технологические и особенно правовые решения.

Образовательные ресурсы обычно классифицируют соответственно целям учебного плана педагогов. Я предлагаю сделать наоборот: наметить четыре разных подхода, дающие ученикам доступ к образовательным ресурсам, которые помогут им определить свои собственные цели и в дальнейшем достичь их:

1. Служба рекомендации образовательных объектов, которая облегчает доступ к предметам или процессам, используемым для формального учения. Некоторые из этих объектов могут быть специально собраны для этой цели, храниться в библиотеках, бюро проката, учебных лабораториях, быть выставлены для осмотра в таких местах, как музеи или театры; другие могут постоянно использоваться на фабриках, в аэропортах или на фермах, и предоставляться учащимся в перерывы или как стажерам. .

2. Служба обмена навыками, которая позволяет людям перечислить и представить имеющиеся у них навыки, условия, на которых они согласны служить моделью для тех, кто хочет этим навыкам научиться, и адрес, по которому их можно найти.

3. Служба подбора партнеров – коммуникационная сеть, которая позволяет людям описать учебную деятельность, в которой они хотят участвовать, и найти партнеров для совместного исследования.

4. Служба рекомендации Старших Преподавателей, которые могут быть перечислены в справочнике, дающем адреса и резюме профессионалов с высшим образованием, профессионалов без высшего образования и «свободных художников» вместе с условиями доступа к их услугам. Такие педагоги, как мы увидим, могут быть выбраны в результате опроса или по рекомендации их прежних клиентов.

Служба рекомендации образовательных объектов

Предметный мир есть базовый ресурс для учения. Свойства окружающей среды и характер отношений между личностью и средой определяют, сколь многому человек может научиться спонтанно. Формальное учение, с одной стороны, требует особого доступа к обычным вещам, а с другой стороны, легкого и надежного доступа к предметам, специально сделанным для образовательных целей. Примером первого служит особое право возиться с машиной в гараже и даже разбирать ее. Примером второго является общее право использовать счеты, компьютер, книгу, ботанический сад или машину, изъятую из производственного процесса и предоставленную ученикам в полное распоряжение.

Сейчас внимание общества сосредоточено на неравенстве между богатыми и бедными детьми в их доступе к предметам и в способах, которыми они могут учиться обращаться с ними. ОЕО¹³ и другие организации, пытаясь уравнивать шансы богатых и бедных, стараются произвести для бедных детей больше образовательного оборудования. Более радикальным было бы признать, что в городе и богатые, и бедные дети одинаково искусственно ограждаются от общения с большинством вещей, которые их окружают. Детям, от природы пластичным и сообразительным, приходится преодолевать по крайней мере два барьера, препятствующих познанию: один находится в самих вещах, другой касается социальных институтов. Промышленное проектирование создает мир вещей, которые сопротивляются проникновению в их природу, а школы отгораживают учеников от мира вещей.

Одна мексиканская крестьянка рассказывала мне после короткой поездки в Нью-Йорк, как она была потрясена тем фактом, что в магазинах продают «только товары с

¹³ Отдел экономических возможностей госдепартамента США.

косметикой». Она, как я понял, имела в виду, что товары в магазинах «сообщают» покупателям о своей привлекательности и ничего не говорят о своей сущности. Промышленность окружает людей артефактами, которые может понять только специалист или человек, непосредственно имевший с ними дело. Неспециалист будет обескуражен безуспешными попытками понять, отчего часы тикают, телефон звонит, а машинка печатает, причем его предупреждают, что все они сломаются, если он попробует понять, как они устроены. Он может сказать, что транзистор – деталь радиоприемника, но не может сказать, для чего он нужен. Этот способ дизайна направлен на поддержку неизобретательности общества, в котором «специалистам» все легче прятаться от оценки за своей «опытностью».

Созданная человеком среда стала непостижимой, как природа для дикаря. При этом образовательные материалы монополизированы школой. Простые образовательные объекты индустрия знаний прячет в исключительно дорогую упаковку. Они стали специальными инструментами профессиональных педагогов, и стоимость их все растет, поскольку ими пытаются стимулировать и среду, и учителей.

Учитель ревнует к учебнику, в котором он видит свой личный профессиональный инструмент. Ученик может возненавидеть лабораторные занятия, потому что они ассоциируются у него со школой. Администратор рационализирует свою протекционистскую позицию по отношению к библиотеке как защиту дорогостоящего общественного оборудования от тех, кто будет там играть, а не учиться. В этой атмосфере ученик как правило идет в лабораторию, берет карту, энциклопедию или микроскоп только изредка, когда этого требует от него учебный план. Даже произведения великих классиков оказываются лишь препятствием для перехода в следующий класс, а не событием личной жизни. Школа изымает вещи из повседневного пользования, навешивая на них ярлык образовательного инструмента.

Если мы хотим освободиться от обязательного школьного обучения, обе тенденции должны изменить свой знак. Общая физическая среда станет доступной. Ее физические образовательные ресурсы, ставшие учительским инструментом, должны снова стать общедоступными для самостоятельного учения. Использование вещей только как составляющих учебного плана может иметь даже худшие проследствия, чем простое изъятие их из среды. Оно способно извратить отношение учащихся к самым обычным предметам.

Особое значение имеют игры. Я имею в виду не те игры, что проходят по ведомству физического образования (такие, как футбол и баскетбол) и используются школами только для того, чтобы поднять свои доходы и престиж – в них, к тому же вкладываются значительные средства. Как понимают и сами участники, эти мероприятия, принявшие форму похожих на войну турниров, противоречат игровой природе спорта и направлены на усиление конкуренции между школами. Я имею в виду не их, а учебные игры, предоставляющие уникальные возможности для постижения формальных понятий. Теория множеств, лингвистика, логика высказываний, геометрия, физика и даже химия сами с легкостью открываются тем, кто играет в эти игры. Один мой друг пошел на мексиканский рынок с настольной игрой «Wff'n Prooof», состоявшей из нескольких костей, на которых были напечатаны двенадцать логических символов. Он показал детям две или три комбинации, которые образуют правильное предложение, и в течение первого часа несколько наблюдателей ухватили принцип игры. Через несколько часов игры по формально-логическим правилам некоторые дети оказались способны ввести других в фундаментальные правила логических доказательств. Другие просто ушли.

Фактически для некоторых детей такие игры есть особая форма освобождающего познания: они осознают, что формальная система построена на допускающих изменения аксиомах и что концептуальные операции имеют игровую природу. К тому же эти игры просты, дешевы и – в широком смысле – могут быть организованы самими игроками.

Использованные вне учебного плана, такие игры дают возможность для выявления и развития необычных талантов, в то время как школьные психологи часто считают этих талантливых ребят опасными, асоциальными или неуравновешенными. Когда в школе проводится какой-нибудь турнир, это вовсе не игра, а соревнование, в котором недостаток абстрактного мышления считается признаком неполноценности. Упражнения, которые для некоторых освободительны, для других оказываются смиренной рубашкой.

Контроль школы над образовательным оборудованием приводит еще к одному явлению: колоссально возрастают расходы на дешевые материалы. Чтобы один раз, когда этого требует расписание, воспользоваться ими, приходится платить за их приобретение, хранение и использование. А потом ученики вымещают на них свой гнев против школы, и оборудование снова приходится покупать.

Подстать неприступности учительского инструмента и недоступность современной свалки. В тридцатых годах любой уважающий себя мальчишка умел починить автомобиль, но сейчас изготовители автомобилей отгородились колючей проволокой от каждого, за исключением специалистов-механиков. В прошедшую эпоху старый радиоприемник содержал достаточно катушек и конденсаторов, чтобы построить передатчик, способный заставить визжать все окрестные приемники. Транзисторный приемник компактнее, но никто не отважится его разобрать. Изменить такое положение в высокоиндустриальных странах колоссально трудно, но можно постараться обеспечить эту «встроенность» образовательных возможностей хотя бы в странах Третьего мира.

Приведу пример: потратив 10 млн. долларов, можно было бы связать 40 000 деревушек в стране вроде Перу паутиной проселочных дорог шестифутовой ширины и поддерживать их в рабочем состоянии, а кроме того, дать этой стране 200 000 трехколесных «механических осликов», в среднем по 5 на каждое селение. Примерно столько бедные страны такого размера тратят ежегодно на машины и дороги, которые используются сейчас только богатыми, а бедные сидят в своих деревнях, как в западне. Каждое из этих простых, но долговечных транспортных средств стоило бы 125 долларов, половина которых приходится на трансмиссию и шестисильный мотор. «Ослик» может делать 15 миль в час и нести груз до 850 фунтов (что достаточно для большинства нужд, исключая случаи, когда надо волочить деревья и стальные балки).

Политическая привлекательность такой транспортной системы для крестьян очевидна. Равно очевидна причина, по которой власть имущие – и, стало быть, автоматически имеющие машину – не заинтересованы в том, чтобы тратить деньги на пыльные проселки и дороги, по которым ездят механические «ослы». Универсальный «ослик» мог бы работать, только если лидеры страны готовы установить национальное ограничение скорости, скажем, в 25 миль в час и приспособить к этому все социальные институты. Но модель эта не будет работать, если будет считаться только временной мерой.

Здесь не место прорабатывать политические, социальные, экономические, финансовые и технические возможности этой модели. Я хочу только показать, что образовательные соображения могут быть первичны при выборе альтернативы капиталоемкому транспорту. Можно спроектировать производство всех частей подобной машинки (стоимость при этом возрастет всего на 20 %) таким образом, чтобы каждый будущий ее владелец, потратив месяц-два на ее сборку и освоение, потом мог всегда легко ее отремонтировать. Тогда станет возможно децентрализовать производство и перенести его на заводы, рассеянные по всей стране. Причем дополнительная выгода состоит здесь не только в возможности включить образовательные расходы в производственные. Гораздо важнее то, что долговечный двигатель, который практически любой может научиться ремонтировать и который всяким может использоваться как плуг и pompa, способен принести значительно более существенную образовательную пользу, чем непостижимые машины развитых стран.

Не только свалка, но и другие – общественные по определению – места современного города стали недоступными. В американском обществе детям недоступны большинство мест и вещей на том основании, что они находятся в частной собственности. Но даже в странах, которые объявили о ликвидации частной собственности, детей удерживают в стороне от аналогичных мест и предметов, считая их принадлежностью особых профессиональных групп, опасной для непосвященных. Так, например, недоступными стали железные дороги и пожарные станции. Однако, проявив некоторую изобретательность, безопасность таких мест нетрудно обеспечить. В обществе, освобожденном от обязательного школьного обучения, придется признать образовательную ценность многих процессов и артефактов и сделать их общедоступными. Конечно, некоторые работники сочтут неудобным допускать учеников на рабочие места, но это неудобство будет компенсировано высокой образовательной ценностью.

Можно было бы изгнать с улиц Манхэттена частные автомобили. Еще пять лет назад это казалось немыслимым. А сейчас некоторые улицы Нью-Йорка в определенные часы закрыты, и эта тенденция будет развиваться. Конечно, большинство улиц (не проспектов, а небольших улиц) должно быть закрыто для автомобильного движения, а парковка должна быть запрещена повсюду. В городе, открытом для людей, изучение материалов, сегодня скрытых на складах и в лабораториях, можно перенести на открытые витрины хранилищ, доступных и детям, и взрослым без риска быть изгнанными оттуда.

Если над целями учения перестанут довлеть школы и школьные учителя, образовательный рынок для учащихся станет гораздо более разнообразным, а определение «образовательных артефактов» – менее жестким. В него войдут мастерские, библиотеки, лаборатории и игровые площадки. Фотолаборатории и машины для офсетной печати позволят расцвести местной прессе. В одних учебных центрах можно было бы разместить просмотровые кабины внутренних телевизионных сетей, в других – выставить офисное оборудование для использования и ремонта. И везде поставить музыкальные автоматы или проигрыватели – с классической музыкой, фольклором разных народов, джазом. Киноклубы соперничали бы друг с другом и с коммерческим телевидением. Филиалы музеев могли бы образовать сети для передвижных экспозиций произведений искусства, старого и нового, оригиналов и репродукций, возможно, под руководством крупных столичных музеев.

Для таких сетей кадровые службы подбирали бы скорее хранителей, гидов и библиотекарей, чем учителей. Они смогли бы направить своих клиентов из зоомагазина к коллекции раковин в музее или порекомендовать, где поблизости можно посмотреть биологические видеозаписи. Они могли бы порекомендовать пособия по защите от пестицидов, диете и другим направлениям профилактической медицины. Они могли бы направить тех, кто нуждается в совете «старших», к компетентным в данном вопросе «преподавателям».

Можно предложить два различных подхода к финансированию сети «учебных объектов». По решению местного сообщества можно либо определить максимальный бюджет для этой цели и заранее распределить его по участкам сети, установив их разумную по времени доступность для посетителей; либо выдать каждому гражданину своеобразный ваучер, предоставляющий ему ограниченное его возрастом право доступа к дорогостоящим и редким материалам, и неограниченный доступ ко всем остальным, т.е. более простым и распространенным.

Поиск ресурсов для изготовления специальных образовательных материалов, это только один – и, возможно, наименее дорогостоящий – аспект строительства образовательного мира. Высвободив средства, которые сегодня тратятся на священные атрибуты школьного ритуала, можно дать всем гражданам свободный доступ к реальной жизни в городе. Можно было бы ввести налоговые льготы для тех, кто берет на работу детей в возрасте от 8 до 14 лет на пару часов в день, если условия труда достаточно

гуманны. Надо вернуться к традициям «бар мицвы» или конфирмации. Я имею в виду, что следует сначала ограничить, а потом и вовсе исключить лишение детей гражданских прав и разрешить мальчику двенадцати лет становиться мужчиной с полной ответственностью за свое участие в жизни сообщества. Многие люди «школьного» возраста больше знают о жизни своего сообщества, чем социальные работники или члены местных советов. Они, конечно, склонны задавать множество наивных и бестактных вопросов и предлагать решения, угрожающие благополучию бюрократии. Но им необходимо позволить – независимо от возраста – поставить свои знания и любознательность на службу подлинно народному правлению.

До самого последнего времени опасность принудительного школьного обучения было легко недооценивать по сравнению с опасностью ученичества в полиции, пожарной команде или индустрии развлечений. Легко было оправдывать существование школы по крайней мере в качестве средства защиты молодежи. Но больше этот аргумент не работает. Недавно я побывал в методистской церкви в Гарлеме, захваченной вооруженной группировкой «Молодые Хозяева» в знак протеста против убийства Хулио Родана, юного пуэрториканца, найденного повешенным в тюремной камере. Я был знаком с лидерами группы, они как-то провели семестр в Куэрнавача. Когда я спросил, почему с ними нет Хуана, мне сказали, что он «вернулся к героину и учебе в университете».

Чтобы высвободить огромный образовательный потенциал современной промышленности и оборудования, нужно в полной мере использовать планирование, стимулирование и законодательство. Не будет полного доступа к образовательным объектам, пока могучие частные фирмы сочетают законодательную поддержку, предоставляемую биллем о правах, с поддержкой миллионов их потребителей и тысяч служащих, акционеров и поставщиков. Многие из мирового ноу-хау, большинство производственных процессов и самое интересное оборудование скрыто за стенами частных фирм от их клиентов, служащих, акционеров, равно как и в целом от общества, законы и возможности которого позволяют им функционировать. Средства, расходуемые сейчас в капиталистических странах на рекламу, такие фирмы, как, например, Дженерал Электрик, NBC-TV или Будвайзер могли бы тратить на образование – и в своих стенах, и за ними. И сами предприятия, и труд на них должны быть реорганизованы так, чтобы их повседневные действия стали более доступны публике, это дало бы желающим возможность учиться, а компании, конечно, получать плату за это обучение.

Еще более ценный корпус научных объектов и данных сейчас исключен из общественного доступа и закрыт даже от квалифицированных ученых под предлогом национальной безопасности. До недавних пор наука была форумом, воплощавшим мечту анархиста. Всякий, имеющий способность к исследованию, мог наравне с другими получить доступ к оборудованию и шанс быть выслушанным в сообществе коллег. Сейчас бюрократизация и чрезмерная заорганизованность ставят многие научные достижения вне пределов досягаемости публики. То, что раньше было международной сетью научной информации, превратилось в арену состязания национальных команд. Члены научного сообщества и артефакты, добытые ими, оказались заперты в правительственных и корпоративных программах, ориентированных на практические достижения и приводящих к сугубому обнищанию людей, финансирующих эти правительства и корпорации.

В мире, который контролируется – в сущности, взят в собственность – правительствами и корпорациями, возможен лишь весьма ограниченный доступ к образовательным объектам. Но расширение доступа к этим объектам в образовательных целях поможет нам осмыслить и сломать последние политические барьеры. Государственным школам придется передать контроль над образовательным использованием объектов из частных в профессиональные руки. Изменение институционального статуса школ может позволить людям снова использовать их для

образования. Если снять частный или корпоративный контроль над образовательным аспектом «вещей», появится подлинно общественная собственность.

Обмен навыками

Преподавателя игры на гитаре в отличие от самой гитары не выставить в музей, не сделать общественной собственностью и не получить напрокат. Преподаватель навыка относится к другому типу ресурсов, нежели объекты, необходимые для освоения навыков. Это не значит, что в любом случае нужен преподаватель. Я могу взять в аренду не только гитару, но и записанные на пленке уроки игры на гитаре, и карту аккордов, и пользуясь всем этим, могу сам научиться играть. Конечно, это дает мне преимущества – если доступные записи лучше, чем доступные учителя, или я могу учиться играть только поздно ночью, или если мелодии, которые я хочу играть, неизвестны в моей стране, или если мне неловко выглядеть беспомощным, и я предпочитаю тренироваться в уединении.

Доступ к спискам преподавателей навыков и установление контактов с ними должны осуществляться через другие каналы, нежели доступ к образовательным объектам. Объекты доступны для пользования – или могут быть сделаны доступными – по желанию пользователя, а человек официально становится частью ресурса навыков, только если он на это согласен, к тому же он вправе по своему выбору определять время, место и метод занятий.

Учителей навыков следует также отличать от коллег и партнеров по учению, от которых тоже можно многому научиться. Партнеры, которые хотят научиться одному и тому же, должны исходить из общности интересов и способностей; они будут заниматься вместе и совершенствовать уже имеющиеся у них навыки: баскетбол, танцы, туризм или обсуждение грядущих выборов. Первоначальное освоение навыков, напротив, собирает вместе того, кто владеет неким навыком, и тех, кто его не имеет, но хочет научиться.

«Образец навыка» – это человек, который обладает навыком и готов продемонстрировать его на практике. Такая демонстрация часто является необходимым ресурсом для потенциального ученика. Современные технологии позволяют нам запечатлеть подобные демонстрации на магнитной ленте, кино- или фотопленке; и все же, надо полагать, останется довольно широкий спрос на личную демонстрацию, особенно это справедливо в отношении коммуникационных навыков. В центре Куэрнавача испанский язык выучили около 10 000 взрослых, это в основном люди с высокой мотивацией, стремившиеся приобрести близкую к родному языку беглость во втором языке. Когда они оказывались перед выбором между тщательно спланированным обучением в классе или совместными упражнениями с парой других учащихся и носителем языка, следующим рутинной программе, то, как правило, выбирали второе.

Для большинства общераспространенных навыков демонстрирующие их применение люди – это единственный необходимый или имеющийся человеческий ресурс. Идет ли речь о разговорном навыке, о вождении автомобиля, приготовлении пищи или пользовании устройствами связи, мы часто едва осознаем наличие формального обучения или учения, особенно после наших первых опытов с изучаемым материалом. Я не вижу причин, по которым освоение других сложных навыков, таких, как механические аспекты хирургии, игра на скрипке, чтение или пользование справочниками и каталогами, не могло бы происходить тем же путем.

Ученик с высокой мотивацией, не имеющий особых трудностей в учении, часто вообще не нуждается ни в какой помощи, кроме демонстрации того, чему он хочет научиться. Требовать от носителей навыков, чтобы они были прежде сертифицированы как педагоги, вовсе не нужно. Такое требование возникает либо из стремления заставить людей учиться тому, чего они не желают знать, либо из предположения, что всякий человек – даже с особыми трудностями развития и учения – способен научиться тому или

другому только в определенный момент своей жизни и предпочтительно в специально организованных обстоятельствах.

Навыки потому и редкость на нынешнем образовательном рынке, что тем, кто способен их продемонстрировать, не позволено делать это, не заручившись общественным доверием в форме свидетельства установленного образца. Мы настаиваем на том, чтобы человек, помогающий другим приобретать навыки, умел к тому же диагностировать трудности в учении и вдохновлять их носителей учиться. Короче говоря, мы требуем, чтобы он был педагогом. Но людей, способных демонстрировать навыки, окажется множество, если только мы научимся распознавать их вне учительской профессии.

Объяснимо, хотя давно уже не оправдано желание «благородных семейств» иметь для своих наследников учителя и мастера в одном лице. Но стремление всех родителей иметь Аристотелей для своих Александров очевидно обречено на провал. Люди, способные одновременно и воодушевлять своих учеников, и демонстрировать высокую технику, так редки, их так трудно найти, что и «наследникам престолов» в качестве учителей чаще достаются софисты, чем истинные философы.

Спрос на редкие навыки легко удовлетворить, даже если таких людей в самом деле мало, но тогда они должны быть легко доступны. В 1940-е гг. появление радиомастеров, большинство из которых не прошло никакого формального обучения по этой специальности, отстало от проникновения радио в Латинскую Америку не более, чем на два года. И они занимались этим до тех пор, пока транзисторные приемники, которые покупать дешевле, но чинить невозможно, не вытеснили их из этого ремесла. Сегодняшние технические школы не способны делать то, что умели делать эти люди, ремонтировавшие равно полезные, но более долговечные приемники.

Множество разнообразных корыстных интересов стоит на пути желающих поделиться своими навыками. Обычно человек, владеющий навыком, извлекает прибыль из его дефицитности и не заинтересован в его распространении. Учитель, который специализируется на передаче навыка, извлекает прибыль из нежелания мастера выпускать собственного ученика на свое поле. Публика приучается верить, что навыки ценны и надежны, только если приобретены в процессе формального обучения. Рынок труда зависит от дефицитности навыков и от ее сохранения – либо путем запретов на их несанкционированное применение, либо посредством изготовления вещей, которые могут быть приведены в рабочее состояние только теми, кто имеет доступ к дефицитным инструментам и информации.

Школы, таким образом, производят дефицит умелых людей. Хорошим примером может служить недостаток медсестер в Соединенных Штатах благодаря быстрому распространению четырехлетней программы обучения уходу за больными. Женщины из бедных семей, которые прежде заканчивали двух- и трехлетние курсы, теперь совершенно не имеют возможности стать медсестрами.

Настаивать на сертификации учителей – еще один способ поддерживать дефицитность навыка. Если призвать медсестер обучать желающих стать медсестрами и брать медсестер на работу только за явно продемонстрированные навыки делать уколы, заполнять историю болезни, давать лекарства и т.п., нехватка квалифицированных медсестер была бы быстро восполнена. Сертификация же ограничивает свободу образования превращением простого гражданского права человека поделиться своими знаниями в привилегию академической свободы, доступную теперь только работникам школы. Чтобы обеспечить гражданам доступ к эффективному обмену навыками, необходимо законодательно распространить академическую свободу на всех. Право человека делиться своими навыками с другими людьми следует защищать как свободу слова. Как только исчезнут ограничения в преподавании, они быстро уйдут и из процесса учения.

Чтобы предоставить ученикам свои услуги, преподаватели навыков нуждаются в побудительном мотиве. Есть два простых способа открыть каналы общественных фондов для несертифицированных учителей. Один способ состоит в том, чтобы институционализировать обмен навыками путем создания свободных центров навыков, открытых для публики. Такие центры можно и нужно создавать в промышленных районах по крайней мере для освоения навыков, являющихся фундаментальной предпосылкой для начала обучения ремеслу – чтение, печатание, ведение счетов, иностранные языки, программирование на компьютере и счет, специальные навыки, такие, как чтение и сборка электрических схем, управление некоторыми машинами и т.д. Другой подход мог бы состоять в том, чтобы дать определенным группам населения своеобразную «образовательную валюту», которой они оплачивали бы обучение в навыковых центрах, где остальные клиенты платили бы по коммерческим ценам.

Гораздо более радикальный подход состоит в создании «банка» обмена навыками. Каждый гражданин получал бы базовый кредит на приобретение фундаментальных навыков. Дополнительный к этому общему минимуму кредит получали бы те, кто заработает его дальнейшим распространением навыков, преподавая их в организованных центрах навыков, частным образом дома или на игровой площадке. Только те, кто передает навыки другим, получают право претендовать на время более продвинутых учителей. Так будет создаваться новая элита, элита тех, кто зарабатывает свое образование, делясь им с другими.

Надо ли дать родителям право зарабатывать навыковые кредиты для своих детей? Поскольку такое соглашение дало бы еще более значительные преимущества и так привилегированным классам, его можно было бы нейтрализовать, увеличив кредиты для непривилегированных. Функционирование службы обмена навыками будет зависеть от существования организаций, обеспечивающих свободное и недорогое использование информации и справочной службы. Эти же организации могли бы предоставлять дополнительные услуги по тестированию и сертификации, а также следить за исполнением законов, необходимых для разрушения и предотвращения нынешней монополии на образование.

По сути, свобода всеобщего обмена навыками должна быть гарантирована законом, который разрешал бы дискриминацию только на основе протестированных навыков, а не в зависимости от того, где и каким путем они получены. Такая гарантия с необходимостью требует общественного контроля за тестированием, которое используется для определения квалификации человека на рынке труда. Иначе можно будет начать снова по-тихоньку использовать сложные батареи тестов на рабочем месте, которые будут служить для социальной селекции. Многое можно сделать, чтобы тестирование навыков было объективным, т.е. проверяло именно и только навыки управления теми или иными машинами или системами. Тест печатания (оцениваемый по скорости, количеству ошибок и по тому, может ли тестируемый работать под диктовку), пользования вычислительным устройством или гидравлическим краном, вождения, программирования на КОБОЛе и т.д. легко сделать объективным.

В действительности очень многие по-настоящему важные практические навыки можно протестировать подобным образом. И для управления кадрами тестирование текущего уровня навыков гораздо полезнее информации о том, что двадцать лет назад человек вполне удовлетворил своего педагога в занятиях по учебному плану, предусматривавшему изучение печатания, стенографии и бухучета. Можно, конечно, поспорить о самой необходимости официально определять имеющийся уровень навыков, но я лично считаю, что легче обеспечить человеку свободу от напрасного ущерба его репутации от навешивания ярлыков путем ограничения тестов компетентности, чем путем их запрета.

Подбор партнеров

Наихудший – школьный – подбор партнеров состоит в том, что в одном классе, в одной и той же комнате собираются ровесники и изучают в одинаковой последовательности математику, обществоведение или грамматику. В лучшем случае ученику разрешается выбрать один или несколько курсов. Группа сверстников всегда формируется вокруг цели учителя. Однако хорошая образовательная система должна позволять каждому человеку самому определять вид деятельности, для которой он ищет партнера.

Школа предоставляет детям возможность выйти за пределы дома и познакомиться с новыми друзьями. Но она одновременно приучает детей к мысли о том, что они должны выбирать друзей среди тех, с кем их свел случай. Если мы уже в раннем возрасте научим детей искать, встречать и оценивать других, мы тем самым научим их всегда искать новых партнеров для новых усилий.

Хороший игрок в шахматы всегда рад обнаружить поблизости турнир, один новичок всегда рад найти другого. Этой цели служат клубы. Люди, желающие обсудить какую-то книгу или статью, вероятно, рады были бы и заплатить, чтобы найти партнеров для дискуссии. Люди, которые хотят играть в игры, ходить на экскурсии, на рыбалку или ездить на мопедах, уделяют немало времени поиску и подбору партнеров. И наградой им служит то, что такие партнеры находятся. В хороших школах пытаются выявить общие интересы учеников, выбравших одни и те же программы обучения. Противоположностью школе могли бы стать институты, увеличивающие шансы людей, имеющих в данный момент одни и те же интересы, встретиться независимо от того, что у них еще есть общего.

Обучение навыкам не в равной степени полезно обеим сторонам, как это бывает при встрече партнеров. Преподавателю навыков, вероятно, нужны некие особые стимулы кроме платы за учение. Обучение навыкам заключается в постоянном повторении одного и того же, и чем больше ученику приходится этим заниматься, тем ему скучнее. Чтобы обмен навыками был эффективен, необходимо какое-то вознаграждение, какие-то зачеты или иные ощутимые стимулы, даже если этот процесс сам по себе создает что-то ценное. Для системы подбора партнеров ничего такого не требуется, а нужна только коммуникационная сеть.

Пленки с записями, поисковые системы, программированные учебные материалы и воспроизведение изображений и звуков позволяют сократить необходимость участия учителя-человека; однако они, конечно, увеличивают и эффективность преподавания, и количество навыков, которым можно за свою жизнь научиться. Параллельно с этим у людей растет и потребность в новых, обогащающих навыками встречах. Человек, позанимавшийся греческим перед каникулами, захочет по возвращении обсудить по-гречески политические проблемы Крита. Мексиканцу, живущему в Нью-Йорке, интересно было бы найти еще кого-то, кто читает журнал *Siempre* или *Los Agachados*, самые популярные комиксы. Еще кто-то хочет встретить человека, который тоже интересуется деятельностью Джеймса Болдуина или Боливара.

Функционирование сети подбора партнеров представляется довольно простым. Пользователь предъявляет свое имя и адрес и описывает деятельность, для которой он ищет партнеров. Компьютер посылает ему имена и адреса всех тех, кто заинтересован в той же деятельности. Удивительно, что такой простой способ никогда не использовался в широких масштабах для общественно полезной работы.

В самой простой форме коммуникация между клиентом и компьютером может быть установлена возвратом почты. В больших городах при наличии доступных терминалов ответ можно получить сразу. Единственный способ получить от компьютера информацию об имени и адресе потенциальных партнеров – назвать занятия, для которых

они необходимы. Люди, использующие эту систему поиска, могут стать известными только своим потенциальным партнерам.

Дополнением к компьютеру могли бы стать доски объявлений и тематические газетные объявления, перечисляющие виды деятельности, для которых компьютер не смог подобрать партнеров. Никаких имен там быть не должно. Заинтересовавшийся читатель сам потом введет свое имя в систему. Общественная поддержка сети подбора партнеров может оказаться единственным способом и гарантировать свободу собраний, и предоставить людям возможность обучиться этой фундаментальной форме гражданской активности.

Право свободы собраний признано политически и зафиксировано в культуре. Теперь следует осознать, что это право в действительности постоянно ущемляется законами, которые делают некоторые формы собраний обязательными. Это касается в первую очередь тех социальных институтов, которые принудительно собирают людей в группы согласно возрасту, классу или полу и отнимают у них очень много времени. Один пример – армия. Другой, еще более агрессивный – школа.

Освобождение от принудительного школьного обучения означает освобождение от власти людей, которые заставляют других людей собираться вместе. Но это также означает и право любого человека, любого возраста и пола, созывать встречу. Именно это право сильно ограничено институализацией встреч. Слово «встреча» (meeting) исходно означает результат добровольного собрания людей. А сейчас оно стало применяться для обозначения институализированной продукции некоей организации.

Способность обслуживающих институтов приобретать клиентов уже давно переросла возможности отдельного человека быть услышанным независимо от официальных средств информации, которые интересуются отдельным человеком только случае горячих новостей. Служба подбора партнеров должна быть столь же легко доступна для людей, желающих собраться, как деревенский колокол, созывающий жителей на совет. Школьные здания, которым едва ли удастся найти какое-либо иное применение, могли бы послужить этой цели.

Школьная система может очень скоро оказаться перед проблемой, с которой уже столкнулась церковь: что делать со свободными помещениями, пустующими из-за недостатка верующих? Школы продать не легче, чем храмы. Один из возможных путей их использования – отдать лишние помещения людям из округи. Каждый желающий может заявить, что он намеревается делать в классе и когда, и вывесить программу на доске объявлений. Доступ на эти «занятия» должен быть свободным или покупаться за образовательные ваучеры. Работу «учителя» даже можно оплачивать по числу учеников, которых он сумел привлечь на любое полное двухчасовое занятие. Полагаю, что в такой системе самой большой популярностью будут пользоваться молодые лидеры и великие педагоги. Тот же подход можно применить и к высшему образованию: обеспечить студентов образовательными ваучерами, которые давали бы им право на десять часов в год индивидуальных консультаций у преподавателя по их выбору, плюс неограниченное пользование библиотекой и сетью подбора партнеров и практическое ученичество.

Нельзя, конечно, исключить, что такая общественная структура для подбора партнеров может быть использована кем-то в аморальных целях, как это происходит сейчас с телефоном и почтой. Как и эти сети, сеть подбора партнеров должна быть как-то защищена. Я уже предлагал организовать систему подбора так, чтобы она позволяла публиковать лишь относящуюся к делу информацию, плюс имя и адрес автора запроса. Такая система будет реально защищена от злоупотреблений. Другими договоренностями может регулироваться распечатка любой книги, перезапись фильма, ТВ-программы или любого другого пособия по специальному каталогу. Возможная уязвимость системы не должна заставлять нас терять из виду ее огромные преимущества.

Некоторые люди, разделяющие мое беспокойство по поводу свободы слова и собраний, возразят, что система подбора партнеров есть искусственное средство соединения людей, и оно не будет использоваться бедными, которые больше всего в нем нуждаются. Некоторые испытывают глубокую неприязнь к встречам *ad hoc*, не имеющим корней в жизни местного сообщества. Другим не нравится, когда предлагают использовать компьютер, чтобы подбирать и сортировать клиентов по интересам. Людей нельзя соединять таким безличным способом, говорят они. Общность должна корениться в разноуровневом совместном опыте и вырастать из этого опыта – так, например, должны развиваться социальные институты района.

Я с полным пониманием отношусь к этим возражениям, но думаю, что они проявляют недостаточное понимание моей точки зрения, а равно и своей собственной. Во-первых, возвращение к жизни местного сообщества как основному центру творческого самовыражения может фактически работать против восстановления данного района как политической единицы. Застревание на местных нуждах может на деле заставить пренебречь важнейшим освобождающим аспектом, который есть в городской жизни – возможностью для человека участвовать одновременно в деятельности многих разных групп. Кроме того, есть важный смысл в том, чтобы люди, которые никогда физически не жили вместе в сообществе, могли бы изредка иметь такой совместный опыт, какого не имеют те, кто знает друг друга с детства. Великие религии всегда признавали важность встреч людей, отдаленных друг от друга, и верующие всегда испытывали освобождающее влияние этих встреч; пилигримство, монашество, взаимная поддержка храмов и святынь выражают осознание этого. Служба подбора партнеров может существенно помочь в становлении многих потенциально возможных, но подавленных сообществ города.

Местные сообщества имеют свою ценность. Они такая же исчезающая реальность, как люди, которые все более позволяют институциональным службам определять круг их социальных отношений. Милтон Котлер в своей недавней книге показал, как империализм городского центра лишает местное сообщество его политического значения. Протекционистские попытки возродить район как культурную единицу только поддерживают этот бюрократический империализм. В отличие от искусственного изъятия людей из их локальных контекстов ради участия в совершенно абстрактных группах, служба подбора партнеров должна помочь восстановлению общественной жизни города, которая сейчас исчезает. Заново обретая возможность собрать товарищей на исполненную смысла беседу, человек, быть может, перестанет мириться с тем, что его отделяют от них официальным протоколом или этикетом предместий. Обнаружив однажды, что решение о совместных действиях зависит только от них, люди могут однажды захотеть сделать местные сообщества более открытыми для творческих политических изменений.

Надо сказать, что городская жизнь становится все дороже и дороже по мере того, как жители города обучаются при всякой своей нужде обращаться к институционализированным службам. А это чрезвычайно дорого – поддерживать их существование даже на мало-мальски приемлемом уровне. Служба подбора партнеров в городе могла бы стать первым шагом по пути разрушения зависимости горожан от бюрократических гражданских служб.

Это будет также важным шагом на пути к восстановлению общественного доверия. В «вышколенном» обществе мы все больше полагаемся на профессиональное суждение педагогов об их собственной деятельности, когда решаем, кому можно доверять: мы обращаемся к врачу, адвокату или психологу, потому что считаем, что только человек, получивший необходимый объем специализированного обучения от коллег по цеху, достоин нашего доверия.

В обществе, освобожденном от обязательного школьного обучения, профессионалы уже не смогут завоевать доверие своих клиентов простой ссылкой на полученный диплом или подтвердить свою квалификацию рекомендациями других

профессионалов, одобряющих полученное ими обучение. Вместо этого любой потенциальный клиент сможет в любое время проконсультироваться с другими клиентами этого профессионала и узнать, удовлетворены ли они его работой. Это можно сделать при помощи аналогичной, так же легко создаваемой сети, и множеством других способов. К таким сетям следует относиться как к коммунальным службам, позволяющим ученикам выбрать себе учителей, а пациентам – врачей.

Профессиональные педагоги

Поскольку гражданин имеет новый выбор, новый шанс для учения, его желание найти руководителя должно возрасти. Можно ожидать, что благодаря независимости их опыт будет более глубоким, и потребность в руководстве увеличится. Поскольку ими больше никто не манипулирует, они научаются пользоваться другой дисциплиной – приобретаемой в процессе жизни. Освобождение образования от школьной обязательности должно стимулировать – стимулировать, а не ослабить – стремление найти человека, обладающего практическими знаниями, который захотел бы поддержать новичка в его образовательном предприятии. А когда настоящим мастерам не придется выставлять себя эталонами информированности и умелости, их реальные превосходство и мудрость проявятся в полную силу.

С ростом запроса на наставников должно возрасти и их число. Исчезновение школьных учителей создаст условия для появления профессии независимого педагога. Это может показаться почти оксюмороном, столь неразрывно связаны в нашем восприятии школа и учитель. Однако именно это и произойдет в результате осуществления обсуждаемых образовательных изменений и потребуются, чтобы осуществить их полностью – родителям и другим «естественным педагогам» нужно руководство, отдельному ученику нужна помощь, а для функционирования сетей нужны работники.

Родители нуждаются в руководстве, чтобы направить своих детей на путь, ведущий к ответственной образовательной независимости. Ученики нуждаются в опытном руководстве, когда забредают на неизведанную территорию. Эти две потребности совершенно различны: первая – это потребность в педагогической мудрости, вторая – в умном руководителе во всех остальных областях знаний. Первая требует знания того, как человек учится и какие есть образовательные ресурсы, вторая – мудрости, основанной на опытности в той или иной области исследований. Оба вида опыта абсолютно необходимы для эффективной образовательной деятельности. Школы соединяют эти функции в одной роли и делают независимое исполнение любой из них в отдельности если не неприличным, то, во всяком случае, подозрительным.

Следует различать три типа специальной образовательной компетентности: первый – создание описанных здесь образовательных обменных сетей и управление ими; второй – руководство учениками и родителями в использовании этих сетей; и третий – деятельность в качестве *primus inter pares*, предпринимающего нелегкие интеллектуальные приключения. Только первые два типа можно понимать как независимые ветви одной профессии: образовательные администраторы и педагогические советники. Чтобы проектировать сети и управлять ими, как я полагаю, не требуется большого количества людей, но это должны быть люди с самым глубоким пониманием образования и управления им, в перспективе совершенно отличные и даже противоположные тем, что работают сейчас в школах.

Такая независимая образовательная профессия привлечет множество людей, которых отвергает нынешняя школа, но отвернет многих, кому она сейчас дает право работать. Управление и оперирование образовательными сетями потребует некоторого количества проектировщиков и администраторов, но иных и числом, и характером,

нежели те, кто сейчас состоит на этой работе. Дисциплина учеников, связи с общественностью, прием, увольнение и надзор за работой учителей, – всему этому нет места в описываемых мною сетях, в них нет даже ничего похожего на эти виды деятельности. Не надо будет составлять учебные планы, закупать учебники, содержать в порядке здание школы и пришкольную территорию, обеспечивать надзор за детьми при проведении межшкольных спортивных соревнований. Работая с образовательными сетями, не надо будет опекать детей, писать поурочные планы и вести классные журналы, что сейчас отнимает так много учительского времени. Вместо всего этого управление образовательными сетями потребует некоторых навыков и способностей, ныне присущих персоналу музеев, библиотек, бюро по трудоустройству или гостиниц.

Деятельность нынешних администраторов в сфере образования сводится к контролю над учениками и учителями в угоду другим лицам – попечителям, законодателям и управляющим компаниями. Создателям и администраторам сетей придется продемонстрировать чудеса изворотливости и стать как можно незаметнее, одновременно содействуя встречам тех, кто учится, с образцами навыков, образовательными руководителями и образовательными объектами. Среди тех, кто сегодня занимается преподаванием, немало людей глубоко авторитарных и не способных решать подобную задачу; осуществление образовательных обменов позволит людям – особенно юным – устремляться к целям, вполне вероятно противоречащим идеалам регулировщиков, управляющих сегодня всяким образовательным движением.

Если описываемые сети появятся, то образовательная траектория каждого ученика станет строиться, как свободно избранный путь, и только в ретроспективе можно будет увидеть в нем черты определенной познавательной программы. Разумный ученик будет время от времени искать профессионального совета: помощи в постановке новых целей, при встрече с трудностями, при выборе между различными возможными методами. И сегодня большинство согласится: главное, что они получили от своих учителей, – это именно такие помощь или совет, поданные во время случайной встречи или индивидуальной консультации. В мире, освобожденном от принудительного школьного обучения, педагоги придут в себя и окажутся способны в полной мере делать то, что фрустрированные нынешние учителя столь безуспешно пытаются делать сегодня.

Администраторы сетей сосредоточатся преимущественно на создании и поддержании в рабочем виде путей доступа к ресурсам, а педагоги будут помогать ученикам находить дороги, которыми они быстрее всего достигнут своих целей. Если ученик хочет выучиться кантонскому диалекту от соседа-китайца, педагог должен оказаться способен судить об их возможностях и помочь им выбрать подходящие учебники, методы и время занятий. Он может посоветовать, скажем, будущему авиамеханику, как найти наилучшее место для практики. Кому-то он сможет порекомендовать книги, например, по истории Африки, если этот кто-то хочет обсудить ее со сверстниками. Как и сетевой администратор, педагогический консультант будет осознавать себя профессиональным педагогом. Доступ к тому и другому обеспечивается образовательным ваучером.

В работе образовательного руководителя – наставника, лидера-инициатора подлинного учения – есть нечто менее уловимое, чем в работе профессионального администратора или педагога. Само лидерство трудно определимо. На практике человека называют лидером, если люди следуют за ним в его начинаниях и последовательно учатся на его достижениях. Нередко он создает новое видение ситуации – совершенно понятное сегодня, – в котором вчерашние «заблуждения» превращаются в истину. В обществе, которое признает право людей созывать собрания с помощью службы подбора партнеров, способность проявлять подобную образовательную инициативу в конкретной области будет распространена так же, как свободный доступ к учению. Но, конечно, есть громадная разница между чьей-то активностью по созыву плодотворной встречи для

обсуждения данного эссе и готовностью руководить систематическим исследованием его смысла и значения.

Лидер – не всегда тот, кто прав. Как указывает Томас Кун, в период постоянного изменения парадигм большинство выдающихся лидеров отстаивает взгляды, не выдерживающие впоследствии проверку временем. Интеллектуальное лидерство зависит от превосходства интеллектуальной дисциплины и воображения, а также сотрудничать с другими в их проявлении. Ученику, например, может казаться, что существует сходство между движением за отмену рабства в США или Кубинской революцией и тем, что случилось вчера в Гарлеме. Педагог, который сам занимается историческими исследованиями, может указать ему на слабые места такой аналогии. Он может вспомнить о своих первых шагах в качестве историка. Он может привлечь ученика к своим исследованиям. В обоих случаях он приобщает своего ученика к искусству критики – которое так редко в школе – и которое ни за какие деньги не купишь.

Отношения между наставником и учеником не сводятся к интеллектуальной дисциплине. В них есть и искусство, и физика, и религия, и психоанализ, и педагогика. Они таковы, чему бы человек не учился – альпинизму, ювелирному или столярному делу, политике или управлению кадрами. Во всех случаях истинного наставничества и ученичества есть понимание, что эти отношения буквальном смысле слова бесценны и многообразно полезны для обоих.

Шарлатаны, демагоги, вербовщики, коррумпированные хозяева и священники, мошенники, чудотворцы и мессии доказали свои лидерские способности и тем самым продемонстрировали опасность зависимости ученика от наставника. Разные общества по-разному защищались от этих лже-учителей. Индийцы полагались на кастовое происхождение, восточные евреи – на духовную дисциплину раввинов, христиане лучших времен полагались на образцовую монашескую добродетельную жизнь, а в другие периоды – на иерархическое устройство церкви. Наше общество полагается на сертификацию, осуществляемую школами. Сомнительно, чтобы эта процедура что-либо реально выявляла, но если все же считать, что это происходит, то придется признать, что делает она это за счет полного уничтожения реального ученичества.

На практике всегда будет нелегко отличить учителя навыков от описанного вышеобразовательного лидера, и нельзя поручиться, что в учителе навыков вдруг не откроется наставник, вводящий учеников в самую суть своей дисциплины.

С другой стороны, именно бесценный характер и определяет подлинные отношения учителя с учеником. Аристотель говорил о них, как о «нравственном типе дружбы, которая не поддается словесному выражению: она дается в дар». Фома Аквинский считал, что этот вид преподавания неизбежно является актом любви и милосердия. И всегда это – роскошь для учителя и форма досуга (по-гречески «*scholē*») для него и его ученика: деятельность, полная смысла для обоих, не имеющая тайной цели.

Очевидно, что и в нашем обществе в поисках истинного интеллектуального руководства приходится полагаться лишь на инициативу одаренных людей, но сейчас еще это не может стать политикой. Сначала надо построить общество, в котором акты личного самовыражения будут цениться выше, чем изготовление вещей или манипуляция людьми. В таком обществе исследовательское, изобретательное, креативное преподавание будет естественным образом считаться одной из самых желанных форм «безработного» досуга. Не следует, однако, ждать осуществления утопии. Уже и сейчас одним из наиболее важных условий освобождения общества от принудительного школьного обучения и началом деятельности службы подбора образовательных партнеров могла бы стать инициатива, проявленная «специалистами» родственных дисциплин. Такая инициатива открыла бы, как мы видели, учащимся огромные возможности в получении информации или выборе наставника.

Школы – не единственные социальные институты, извращающие суть профессии, заставляя ее представителей совмещать несовместимые роли. Так, больницы сначала делают лечение больных на дому все менее возможным, а затем начинают оправдывать госпитализацию интересами больного. Одновременно правовой статус врача и его способность эффективно работать все больше зависит от его связи с больницей, хотя он и меньше пока зависит от нее, чем учитель от школы. То же можно сказать и о судах, повестка дня которых страшно перегружена, поскольку все новые и новые дела требуют освящения законом, что существенно задерживает отправление правосудия. И это же можно сказать о церкви, которая с успехом превращает людей свободного призвания в рабов профессии. Результатом же во всех случаях является ухудшение обслуживания при более высокой его цене и большие доходы представителей профессии в сочетании с низкой компетентностью.

Пока старинные профессии сохраняют монополию на огромные доходы и престиж, реформировать их трудно. Профессию школьного учителя должно быть легче реформировать, и не только потому, что она моложе. Педагогическая профессия ныне также претендует на абсолютной монополию: она заявляет о своих правах на обучение не только собственных новичков, но и представителей других профессий. Эта экспансия способна нанести ущерб любой профессии, которая вознамерилась бы вернуть себе права на обучение своих новичков. Школьным учителям платят все хуже, они задавлены тотальным контролем школьной системы. Наиболее предприимчивые и одаренные из них, вероятно, увидят возможности более интересной, более независимой и лучше оплачиваемой работы при специализации в качестве носителей навыков, сетевых администраторов или специалистов по руководству обучением.

Наконец, зависимость записанного в школу ученика от сертифицированного учителя разрушить легче, чем вообще зависимость человека от всяких профессионалов – например, госпитализированного пациента от доктора. Если школьное обучение перестанет быть обязательным, учителя, которые находят удовлетворение, упражняясь в педагогической власти в классе, останутся только с теми учениками, которым нравится такой стиль. Разрушение ныне существующей профессиональной структуры может начаться с ликвидации профессии школьного учителя.

Падение школы произойдет неизбежно и неожиданно быстро. Его нельзя удержать, и сейчас необходимо всемерно содействовать тому, чтобы это произошло. Содействовать этому можно двумя диаметрально противоположными способами.

Первый способ состоит в расширении полномочий педагога и увеличении его контроля над обществом даже вне школы. С наилучшими намерениями и просто расширяя риторику, используемую сейчас в школе, существующий кризис дает педагогам прекрасный повод использовать все сети современного общества в качестве рупора для обращения к нам – естественно, ради нашего же собственного блага. И тогда освобождение от школы, которое нам не дано остановить, будет означать приход «прекрасного нового мира», возобладавшего над самыми лучшими намерениями мастеров программированного обучения.

С другой стороны, у определенной части властных структур, а также работодателей, налогоплательщиков, просвещенного учительства и школьных администраторов растет осознание того, что дозированные учебные планы и последующая сертификация стали вредны; это понимание может привести к тому, что широким массам людей предложат экстраординарную возможность: нерушимые права равного доступа к инструментам учения и преподавания другим того, что они знают или во что верят. Но это потребует от образовательной революции, направляемой следующими целями:

1. отмена контроля отдельных людей и организаций над доступом к объектам, обладающим образовательной ценностью;

2. гарантия полной свободы обучения практическим навыкам, их освоения или упражнения в них;
3. освобождение критических и творческих ресурсов людей возвращением им возможности созывать и проводить встречи – возможности, ныне все более монополизированной социальными институтами, притязающими на право говорить от имени людей;
4. освобождение человека от обязанности непременно приравнивать свои стремления к социальным институтам, созданным представителями той или иной профессии, предоставление ему возможности воспользоваться опытом сверстников и самому выбирать учителя, руководителя, советника или врача. Освобождение общества от школы неизбежно сотрет резкие грани между экономикой, образованием и политикой, на которой покоится стабильность ныне существующих государств и установившегося мирового порядка в целом.

Наш пересмотр образовательных институтов ведет к пересмотру образа человека. Существо, которое нужно школе, не имеет ни самостоятельности, ни мотивации для собственного роста. Всеобщее школьное обучение следует признать кульминацией прометеевского предприятия и подумать об альтернативном мире, приспособленном для жизни эпиметеевского человека. Можно сказать, что альтернативой схоластической воронке служит мир, сделанный прозрачным посредством истинных коммуникационных сетей – но нельзя показать с полной конкретностью, как он будет устроен; мы можем только надеяться, что эпиметеевская природа человека снова проявится – ни спланировать, ни произвести ее нельзя.

7

Возрождение эпиметеевского человека

Наше общество напоминает мне невероятную машинку, которую я однажды видел в Нью-Йорке в магазине игрушек. Это была металлическая шкатулка, которая, когда вы дотрагивались до кнопки, открывалась и обнаруживала механическую руку. Протягивались хромированные пальцы, доставали до крышки, тянули ее, и закрывали изнутри. Это была всего лишь коробка; вы ожидали, что из нее можно будет что-нибудь достать, однако все, что в ней было, служило лишь механизмом для ее закрывания. Эта штука была противоположностью ящика Пандоры.

По происхождению Пандора (всedaющая) была богиней Земли в доисторической матриархальной Греции. Она позволила всем болезням убежать из ее амфоры (*pythos*). Но она успела закрыть крышку, пока не убежала Надежда. История современного человека начинается с вырождения мифа о Пандоре и оканчивается самозакрывающейся шкатулкой. Это история Прометеевской попытки выковать социальные институты для того, чтобы загнать обратно каждую из буйствующих болезней. Это история увядания надежды и роста ожиданий.

Для того, чтобы понять, что это означает, мы должны заново открыть различие между надеждой и ожиданием. Надежда, в строгом смысле, означает доверчивую веру в доброту природы, а ожидать, как это будет использоваться здесь, означает полагаться на результаты, спланированные и контролируемые человеком. Надежда хочет получить от кого-то подарок, а ожидание предвосхищает удовлетворение от предсказанного процесса, который принесет с собой то, чего мы вправе требовать. Сейчас Прометеевская этика исключает надежду. От ее переоткрытия как социальной силы зависит выживание человеческой расы.

Настоящая Пандора была послана на Землю с сосудом, содержащим все болезни; из хорошего в нем была лишь надежда. Примитивный человек жил в мире надежды. Он полагался на влияние природы, на милость богов и на инстинкты своего племени, позволявшие ему существовать. Классические греки начали замещать надежду ожиданиями. В их версии Пандора различала зло и добро. Они помнили ее преимущественно по болезням, которые она выпустила. Но они забыли, что Вседающая дала людям также надежду.

Греки рассказали историю о двух братьях, Прометее и Эпиметее. Прометей убеждал Эпиметея оставить Пандору. Вместо этого Эпиметей женился на ней. В классической Греции имя «Эпиметей» означало «дурачок», было синонимом слов «глупый» или «тупой». Во времена Гесиода историю пересказывали в ее классической форме: греки стали моралистами и патриархальными женоненавистниками, которые панически боялись думать о первой женщине. Они построили рациональное и авторитарное общество. Мужчины выдумали социальные институты, благодаря которым они собирались справиться с буйствующими болезнями. Они осознавали свою силу проектировать мир и заставлять его создавать услуги, которые они также научились ожидать. Они хотели искусственно сформировать свои собственные потребности и будущие требования к своим детям. Они стали создавать законы, архитектуру, писать, создавать конституции, города, произведения искусства, послужившие образцом их потомкам. Примитивный человек полагался на мифическое соучастие в священных ритуалах инициаций человека в знания общества, но классические греки признавали истинным человеком только того гражданина, который сам удовлетворялся образованием (*paideia*) в институтах, которые запланировали старшие.

Развитие мифа отражало переход от мира, в котором мечта *интерпретировалась*, к миру, в котором предсказания *делались*. В незапамятное время богиня земля принимала поклонения на склоне горы Парнас, которая была центром мира и пупом земли. Там, в Дельфах (от *delphys*, матка) спала Гея, сестра Хаоса и Эроса. Ее сын, дракон Пифон, охранял ее ночные и дневные сны, пока Аполлон, Сын Бога, строитель Трои, не пришел с Востока, обманул дракона и не завладел пещерой Геи. Его жрецы взяли верх над ее храмом. Они набрали местных девушек, посадили их на треножники над дымящимся пупом земли и сделали их грезы вещими. Потом они пели экстатические песнопения в гексаметрах – самоисполняющиеся пророчества. Со всего Пелопонесса люди несли свои проблемы в святилище Аполлона. Оракул консультировал по социальным вопросам, таким, как прекращение чумы или язвы, выбирал правильную конституцию для Спарты или подходящий участок для городов, которые позднее стали называться Византий и Халкедон. Безошибочно попадающая в цель стрела стала символом Аполлона. Все, что рассказывали о нем, было полным цели и пользы.

В «Республике», описывая идеальное государство, Платон уже исключает из обихода популярную музыку. Только арфа и лира Аполлона разрешались в городе, потому что только их гармония создает «натяжение необходимости и натяжение свободы, натяжение несчастья и натяжение счастья, натяжение мужества и натяжение умеренности, которое приличествует гражданину». Городские жители панически боялись флейты Пана, ее мощь будила их инстинкты. Только «пастухи могут играть на флейте (Пана), да и они только в деревне».

Человек принимал на себя ответственность за законы, при которых он хочет жить, и за выбор среды его собственного воображения. Примитивные инициации матерью-Землей в мифической жизни были трансформированы в образование (*paideia*) граждан, которые чувствовали себя на форуме, как дома.

Для примитивного человека мир был управляем судьбой, а фактически необходимостью. Украд огонь у бога, Прометей превратил факт в проблему, необходимость в вопрос и бросил вызов судьбе. Классический человек вписался в

цивилизованный контекст в человеческой перспективе. Он осознал, что может бросить вызов судьбе-природе-среде, но только на свой собственный риск. Современный человек идет дальше: он пытается создать мир в своем воображении, построить полностью сделанную человеком среду, а затем открыть, что это возможно только на условиях постоянной переделки самого себя, чтобы удовлетворять этим условиям. Нам пора осознать, что сегодня человек сам стоит у границы.

Жизнь в сегодняшнем Нью-Йорке порождает весьма своеобразное представление о том, что есть на свете и что может быть, и без этого представления жизнь в Нью-Йорке невозможна. Ребенок на улицах Нью-Йорка никогда не трогает ничего такого, что не было бы научно разработано, сконструировано, спланировано и продано кому-то. Даже деревья растут там потому, что их решил там и так посадить Департамент парков. Шутки дети слышат по телевизору запрограммированные и дорого стоящие. Мусор, которым они играют на улицах Гарлема, состоит из рваных пакетов, заготовленных для кого-то еще. Даже желания и страхи институционально сформированы. Сила и насилие организованы в управляемые банды, противостоящие полиции. Учиться можно, потребляя учебные предметы, которые являются следствием исследований, планов и продвинутых программ. Любой товар является продуктом неких специализированных социальных институтов. Было бы глупо требовать чего-нибудь такого, что какие-нибудь институты не могут произвести. Городской ребенок не может ожидать ничего, что лежит вне возможностей разработанного институционального процесса. Даже его фантазия диктуется научной фантастикой. Он может приобретать опыт незапланированного поэтического удивления только благодаря встречам с «грязным», глупым или неправильным: апельсиновая корка в канаве, лужа на улице, сбой порядка, программы или машины – единственные поводы для возбуждения творческой фантазии. «Дуракаваляние» становится единственной подручной поэзией.

Поскольку ни одного незапланированного желания уже нет, городской ребенок скоро заключает, что мы всегда будем способны спроектировать социальный институт для всякого нашего хотения. Он принимает как должное способность процесса создавать ценности. В чем бы ни состояла его цель – во встрече с товарищем, интеграции в сообщество или приобретении навыков чтения – она определяется так, что движение к ней можно спроектировать. Человек, который знает, что ему не может потребоваться ничего такого, что не производилось бы, скоро начинает ожидать, что ничего и не производится, если нет спроса. Если луноход можно спроектировать, следовательно, есть спрос на полеты на Луну. Не идти куда-то, куда можно пойти, было бы разрушительно. Это разоблачило бы как глупость предположение, что каждый удовлетворенный спрос влечет за собой даже больший неудовлетворенный. Такое открытие может остановить прогресс. Не производить, что возможно, значило бы разоблечь закон «растущих ожиданий» как эвфемизм для все растущей фрустрации, которая является движущей силой общества, построенного на сочетании роста производства услуг и спроса.

Государство разума современных городских жителей появляется в мифической традиции только при изображении ада: Сизиф, который скован Танатосом (смертью), должен катить тяжелый камень вверх по горе к вершине ада, и камень всегда выскальзывает из его рук, как только он достигает вершины. Тантал, который был приглашен богами разделить их трапезу и по этому случаю укравший их секрет приготовления всеисцеляющей амброзии, был одарен вечным мучением голодом и жаждой, стоя в потоке отступающей от него воды среди фруктовых деревьев, отводящих от него свои полные плодов ветви. Мир постоянно растущих запросов не просто порочен, имя ему – ад.

У людей развилась фрустрирующая готовность чего угодно, поскольку они уже не могут представить себе ничего такого, что не могло бы быть предоставлено им соответствующими социальными институтами. Окруженный этими могущественными

социальными инструментами, человек сам стал объектом их манипуляций. Каждый из социальных институтов, созданных для изгнания того или иного зла, стал надежным для человека надежным самозакрывающимся гробом. Человек оказался в западне ящиков, созданных им для хранения болезней, которым Пандора позволила убежать. Мы живем в тумане, скрывающем реальность и созданном нашими собственными инструментами. Неожиданно для самих себя мы обнаружили, что сами себя загнали в западню.

Сама реальность стала зависеть от человеческого решения. Тот самый президент, который санкционировал неудачное вторжение в Камбоджу, мог с равным успехом приказать успешно использовать атомное оружие. «Хиросимская кнопка» может теперь перерезать пуповину земли. Человек приобрел власть над миром, позволяющую ему поставить Хаос выше Эроса и Геи. Новая способность человека уничтожить землю постоянно напоминает нам, что социальные институты не только творят свой собственный конец, но также в силах положить конец и нам. Абсурдность современных социальных институтов очевидна, когда речь идет о военных. Современное оружие может защитить свободу, цивилизацию и жизнь, только уничтожив их. Безопасность на военном языке означает способность удрать с земли.

Не менее очевидна и абсурдность невоенных социальных институтов. У них нет кнопки, способной активировать их деструктивную силу, но они и не нуждаются в кнопке. Их замок уже защелкнулся на крышке мира. Они создают потребности быстрее, чем могут обеспечить их удовлетворение, и в процессе удовлетворения ими же созданных потребностей они пожирают Землю. Это справедливо не только для сельского хозяйства и промышленности, но и в не меньшей степени для медицины и образования. Современное сельское хозяйство отравляет и истощает почву. «Зеленая революция» может посредством новых семян утроить урожай с акра – но только еще большим пропорциональным увеличением удобрений, инсектицидов, воды и энергии. Производство всего этого, как и других товаров, отравляет океан и атмосферу и тратит невозполнимые ресурсы. Это сгорание сегодня продолжает повышаться, и скоро мы будем потреблять кислород атмосферы быстрее, чем он восстанавливается. У нас нет причин быть уверенными, что деление или синтез водорода могут заменить горение без равного или большего риска. В медицине мужчины заменяют повивальных бабок и обещают сделать человека еще лучше: генетически спланированного, фармакологически подслащенного и более продолжительно болеющего. Современный идеал – это пангигиенический мир: мир, в котором все контакты между людьми и между людьми и их миром есть результат предвидения и манипуляции. Деятельность школ стала планируемым процессом, инструменты которого – люди для запланированного мира, основные инструменты для уловления людей в человеческую же ловушку. Предполагается сформировать каждого человека так, чтобы он подходил для участия во всемирной игре. Мы неуклонно культивируем, выращиваем, продуцируем и школим мир вне существования.

Военные социальные институты очевидно абсурдны. Абсурдность невоенных социальных институтов более трудно обнаружить. И это еще более страшно, потому что они действуют точно и неумолимо. Мы знаем, что кнопку нельзя нажимать во избежание атомного холокоста. Но нельзя выключить экологический Армагеддон.

Еще в античные времена человек обнаружил, что мир может быть создан по человеческому плану, и одновременно увидел присущие такому миру ненадежность, драматизм и комичность. Возникли демократические социальные институты, признавшие человека достойным доверия. Ожидания в отношении их деятельности и доверие к человеческой природе уравнивали друг друга. Сложились основные профессии, а с ними и социальные институты, необходимые для их отправления.

Постепенно на смену зависимости от индивидуальной доброй воли приходит доверие к институциональному процессу. Мир утрачивает свое гуманистическое измерение и попадает в зависимость от необходимости или от судьбы, характерную для

времен варварства. Но если хаос первоначального варварства управлялся мистическими, антропоморфными богами, то наш нынешний мир стал таким, как он есть, только в результате плановой деятельности людей. Человек же стал игрушкой в руках ученых, инженеров и проектировщиков.

Мы видим эту логику в действии на самих себе и на других. Есть одна мексиканская деревня, через которую в день проезжает не более дюжины автомобилей. Мексиканец играл в домино на новой свежепокрытой дороге перед своим домом, как он делал это, вероятно, с юности. Проехал автомобиль и задавил его. Турист, рассказывавший мне об этом происшествии, был глубоко опечален, но все же сказал: «Такова уж его доля».

На первый взгляд, замечание туриста не слишком отличается от утверждения примитивного бушмена, докладывающего о смерти товарища, который нарушил табу и потому умер. На самом деле эти два утверждения противоположны по смыслу. Дикарь боится чего-то огромного и молчаливо трансцендентного, а турист испытывает благоговейный страх перед неумолимой властью машины. Дикарь не чувствует ответственности; турист чувствует ее, но отрицает. И в дикаре, и в туристе осуществляется классическая трагедия, а логика личного усилия и протеста отсутствует. Примитивный человек их не имеет, а турист утратил. Миф бушмена и миф американца сотворен инертной внечеловеческой силой. Ни у кого нет опыта трагического мятежа, восстания. Для бушмена событие следует законам магии; для американца оно следует законам науки. Происшествие предает его чарам законов механики, которые для него управляют физическими, социальными и психологическими событиями.

Настроение 1971 года благоприятно для решительного изменения направления поисков будущего, полного надежды. Институциональные цели постоянно противоречат институциональным делам. Программа борьбы с бедностью производит все больше бедных, война в Азии – все больше Вьетконговцев, техническая помощь – все больше недоразвитости. Клиники регулирования рождаемости увеличивают уровень выживания и тем самым – рост населения; школы производят все больше исключенных из них, и успех в обуздании одного вида загрязнения среды, как правило, увеличивает другой.

Потребители сталкиваются с тем, что чем больше они покупают, тем больше жульничества они должны проглотить. Еще недавно казалось логичным, что вину за эту всеобъемлющую разрастание беспомощности нужно возложить или на отставание научных открытий от технологических требований, или на этнические и идеологические извращения и классовую вражду. Оба ожидания – и тысячелетия науки, и войны, кладущей конец всем войнам, не оправдались.

Для искушенного потребителя верный путь вернуться к первозданности – положиться на магическую технологию. Слишком многие люди имеют дурной опыт с невротическими компьютерами, госпитальными инфекциями, заторами везде, где есть движение – на дорогах, в воздухе или телефонных линиях. Всего десять лет назад конвенциональная мудрость предсказывала улучшение жизни за счет роста числа научных открытий. Сегодня ученые пугают детей. Запуск ракеты на луну создает завораживающее впечатление, что возможность ошибок среди операторов сложных систем можно почти полностью исключить, однако это не ослабляет наших опасений, что неспособность человека действовать в точном соответствии с инструкцией может выйти из-под контроля.

Для социальных реформаторов нет пути назад, например, в сороковые. Исчезла надежда, что проблема справедливого распределения товаров может быть если не решена, то сглажена путем создания их изобилия. Стоимость минимальной корзины, способной удовлетворить современные вкусы, взлетает ракетой, и то, что делало вкус современным, устаревает еще в процессе удовлетворения.

Ограниченность земных ресурсов стала очевидной. Не видно прорыва в науке или технологии, который мог бы снабдить каждого человека в мире товарами широкого

потребления и услугами, которые сейчас доступны бедным в самых богатых странах. Так, например, для достижения этой цели при самых щадящих технологиях надо добывать в сто раз больше железа, олова и меди, чем сейчас.

Наконец, учителя, врачи, социальные работники понимают, что при всех различиях их профессиональных обязанностей их деятельность имеет по крайней мере один общий аспект. Они создают все новые потребности в институциональном обслуживании и делают это быстрее, чем совершенствуют и расширяют само это обслуживание.

Не только отдельные аспекты конвенциональной мудрости, но и сама ее логика, оказываются под вопросом. Даже законы экономики кажутся недействующими вне узких параметров, которые применяются к обществу – географической области, где сконцентрировано наибольшее количество денег. Деньги, конечно, самая дешевая валюта, но только в экономике эффективности, измеряемой в денежных единицах. И капиталистические, и коммунистические страны при всех своих различиях измеряют свою эффективность отношением затраты/польза, где то и другое выражено в долларах. Капитализм похвастается высоким жизненным стандартом, и поэтому претендует на превосходство. Коммунизм гордится высокими темпами роста как свидетельством своего окончательного триумфа. Но при обеих идеологиях плата за рост эффективности увеличивается в геометрической прогрессии. Крупнейшие институты завершают жестокий подсчет ресурсов, не перечисленных ни в какой инвентарной описи: воздух, океан, тишина, солнечный свет и здоровье. Они привлекают общественное внимание к скудости этих ресурсов, только когда они почти невозвратно утрачены. Везде природа становится ядовитой, общество негуманным, внутренней жизнью насильственно завладевают и личное призвание душат.

Общество осуществляет институализацию ценностей, сверяясь с производством товаров и услуг и спросом на них. Образование включает потребность в продукте в стоимость самого продукта. Школа – рекламное агентство, заставляющее вас поверить, что вы нуждаетесь именно в том обществе, которое существует. В этом обществе маргинальные ценности становятся исключительно агрессивными. Они заставляют незначительное число крупных потребителей бороться за право истощать землю, набивать свои и так раздутые животы, держать в узде малых потребителей и уничтожать тех, кто все еще предпочитает обходиться тем, что имеет и умеет. Этика ненасытности оказывается основой для хищнического истребления ресурсов, социальной поляризации и психологической пассивности.

Поскольку ценности трансформированы в плановые и организованные процессы, члены современного общества убеждены в том, что жить правильной и хорошей жизнью означает иметь социальные институты, определяющие ценности, в которых и они, и общество нуждаются. Институциональная ценность определяется результатами деятельности соответствующего института. Соответственно ценность человека измеряется его способностью потреблять или игнорировать эти институциональные результаты и таким образом создавать новые – еще более высокие – запросы. Ценность институционализированного человека зависит от того, сколько мусора он может переработать. Образно говоря, человек стал идолом собственных изделий. Он уже сам себя видит печью, в которой сжигаются ценности, создаваемые им же порожденными инструментами. И нет предела его способности потреблять. Так дело Прометея доводится до абсурда.

Истощение и загрязнение мировых ресурсов есть, сверх всего, результат утраты человеческого образа самого себя, регресс его сознания. Некоторые говорят о мутации коллективного сознания, которая ведет к концепции человека как организма, зависящего не от природы и индивидуальности, но скорее от социальных институтов. Эта институализация базовых ценностей, эта вера в то, что запланированный процесс

обслуживания в конечном счете даст результат, желательный для обслуживаемого, эта потребительская этика и есть самая суть провала идеи Прометея.

Удастся ли миру снова обрести равновесие в глобальном масштабе зависит от деинституализации ценностей.

Подозрение, что что-то в корне неправильно с образом *homo faber* – общее для растущего меньшинства в капиталистических, коммунистических и «развивающихся» странах. Это подозрение есть разделяемая характеристика новой элиты. К ней принадлежат люди всех классов, доходов, вер и цивилизаций. Они стали опасаться мифов большинства: научных утопий, идеологий дьяволизма и ожидания распределения товаров и услуг с некоторой степенью равенства. Они разделяют с большинством чувство загнанности в ловушку. Они разделяют с большинством осознание того, что большинство новых политических течений одобрено широким консенсусом, последовательно ведущим к результатам, которые прямо противоположны провозглашенным целям. Однако если Прометеевское большинство якобы представителей будущего все еще избегает обсуждения структурных проблем, появляется меньшинство, настроенное весьма критично к научному *deus ex machina*, идеологическим панацеям и охоте на дьяволов и ведьм. Это меньшинство начинает высказывать подозрение, что мы прикованы своими заблуждениями к современным социальным институтам, как Прометей к своей скале. Надежда, вера и классическая ирония (*eironeia*) должны помочь нам разглядеть ошибку Прометея.

Прометея принято считать провидцем и даже тем, «кто сумел зажечь Полярную звезду прогресса». Он обманул богов, разрушил их монополию на огонь, научил людей использовать огонь дляковки железа, стал богом технологов и окончил свои дни в железных оковах.

Дельфийская пифия теперь заменена компьютером, который парит над панелями и перфокартами. Гексаметры оракула даются в шестнадцатиричном коде инструкций. Рулевой поворачивает руль кибернетической машины. Создаются машины, указывающие нам нашу судьбу. Детская фантазия улетает на космическом корабле прочь от сумеречной земли.

Только глядя на Землю с позиции Человека-на-Луне, Прометей еще мог бы усмотреть в сверкающей голубой Гее планету Надежды и Ковчег человечества. И лишь новое чувство конечности Земли и новая ностальгия могут теперь открыть человеку глаза и заставить его сделать выбор в пользу его брата Эпиметея, чтобы воссоединить Землю с Пандорой.

И здесь греческий миф превращается в исполненное надежды пророчество, ведь в нем говорится, что Прометей родил Девкалиона, ставшего рулевым на ковчеге, пережившего потоп, подобно Нюю, и породившего новое человечество, созданное им из земли с Пиррой, дочерью Эпиметея и Пандоры. Мы проникаем в смысл послания, полученного Пандорой от богов, мы понимаем, что именно означал ее ящик: наш корабль и ковчег.

Теперь нам нужно название для тех, кто ставит надежду выше ожиданий, для тех, кто любит людей больше, чем продукты производства, кто верит, что

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как история планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Нам нужно название для тех, кто любит землю, где у каждого человека есть надежда на встречу с другим:

А если кто-то незаметно жил,
И с этой незаметностью дружил,
Он интересен был среди людей
Самой неинтересностью своей.

Нам нужно название для тех, кто вместе со своим собратом Прометеем
поддерживает огонь и куёт железо во имя того, однако, чтобы все больше заботиться о
других и терпеливо ожидать, зная, что

У каждого – свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это все неведомо для нас.¹⁴

Я предлагаю назвать этих исполненных надежды братьев и сестер Эпиметеевскими
людьми.

¹⁴ Евгений Евтушенко. Стихотворения. Серия «Самые мои стихи». М.:Слово, 1999. (Дается вместо ссылки на английский перевод.)